

**ХРОНИКА
ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР**

ВЫПУСК 27

ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ 1977

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
НЬЮ ЙОРК**

**ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

**ХРОНИКА
ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР**

ВЫПУСК 27

ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ 1977

ГОД ИЗДАНИЯ – ПЯТЫЙ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
НЬЮ ЙОРК**

Главный редактор издательства: Валерий Чалидзе
Редакционная коллегия: Эдвард Клайн
Павел Литвинов
Лондонский корреспондент: Питер Реддавей

"Хроника защиты прав в СССР" не занимает политически мотивированной позиции и не содержит редакционных оценок по поводу описываемых событий .

Издательство не принимает пожертвований от государственных и политических организаций.

Editor-in-Chief, Khronika Press: VALERY CHALIDZE
Editorial Board: EDWARD KLINE, New York
PAVEL LITVINOV, New York
London Correspondent: PETER REDDAWAY

Copyright © 1977 by: KHRONIKA PRESS

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., New York, N.Y. 10018

СОДЕРЖАНИЕ

Сообщения	4
О преследовании членов Хельсинкских групп	5
К людям доброй воли	7
Дело Александра Гинзбурга	7
В защиту Пяткуса и Терлецкаса	9
Психиатрические репрессии	10
Обращение политзаключенных лагеря № 35	12
Письмо политзаключенных лагеря № 36	13
О преследовании немцев в Литве	15
Дело Бухарина	16

* * *

<i>П. Григоренко.</i> Письмо директору ТАСС	18
<i>Л. Богораз, А. Марченко.</i> О нарушении неприкосновенности частной жизни	22
Документы Фонда помощи политзаключенным	26
Пресс-конференция на квартире у о. Димитрия Дудко	31
Шестой всемирный конгресс психиатров	37

Документы юридической практики

Документы по делам о признании договора купли-продажи дома недействительным	40
Кассационная жалоба Джемилева	43

Обсуждение проекта Конституции СССР

<i>В. Бахмин, Т. Великанова</i> и др. О проекте Конституции СССР	48
<i>С. Каллистратова.</i> Некоторые замечания по поводу проекта Конституции СССР – 1977	63

Из прошлого

Из архива русского офицера и ученого Петра Кушника	72
--	----

Библиография

Новые книги издательства "Хроника"	89
Поступления Самиздата	89
Новые книги	94
Указатель имен	95

СООБЩЕНИЯ

Арестованы

В Литве:

Член Хельсинкской группы, бывший политзаключенный Викторас Пяткус.

На Украине:

Писатель Гелий Снегирев.

Предъявленные обвинения не известны.

Лишен советского гражданства

Томас Венцлова — заграничный представитель Литовской Хельсинкской группы. Венцлова заявил, что, утратив советское гражданство, он получил паспорт правительства Литвы в изгнании.

* * *

♦ Покинули СССР участники правозащитного движения Ефрем Янкевич с семьей и Игорь Мельчук.

♦ Покинули СССР известные активисты движения Валентин Турчин, Кронид Любарский, Борис Вейль.

♦ Писатель Марк Поповский объявил об основании информационного агентства "Марк Поповский Пресс".

♦ Во время международной книжной выставки в Москве американские издатели устроили торжественный обед для советских авторов, издающихся за границей; на обеде присутствовали, в частности, Лев Копелев, Рой Медведев, Владимир Войнович, Булат Окуджава.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ БЕЛГРАДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений попросила нас информировать общественность и официальных представителей государств, подписавших Заключительный Акт Хельсинкского совещания, о характере деятельности Группы.

Группа была учреждена в мае 1976 г. в Москве. Целью ее является сбор, изучение и передача представителям государств-участников Хельсинкского совещания информации о возможных нарушениях гуманитарных положений Заключительного Акта в Советском Союзе. Члены Группы вдохновляются верой, что эта информация поможет положить конец таким нарушениям. Группа уже передала представителям Советского Союза и других государств-участников Хельсинкского совещания около 100 отчетов, в том числе 22 исследования, документально подтверждающих постоянные нарушения свободы вероисповедания, свободы передвижения, свободы обмена информацией, прав национальных меньшинств и положений Заключительного Акта о контактах между людьми. Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений по образцу Московской были основаны на Украине, в Литве, Грузии и Армении.

Несмотря на то что эти группы были организованы, чтобы помочь советскому правительству выполнять моральные обязательства, возложенные на него Заключительным Актом, их деятельность натолкнулась на сильное противодействие со стороны властей. С того момента, как было объявлено об организации групп, их участники подвергаются слежке, угрозам, задержаниям, обыскам, а с февраля 1977 г. и арестам. По последним имеющимся у нас сведениям, одиннадцать из трех десятков участников групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений подверглись аресту.

То обстоятельство, что участники групп подвергаются репрессиям, говорит само за себя и показывает, что власти намерены

покончить со сбором и распространением информации о нарушениях положений Заключительного Акта в Советском Союзе. Такое поведение властей само по себе представляет грубое нарушение Хельсинкского Заключительного Акта и подрывает принципы, лежащие в основе Заключительного Акта, в особенности утверждаемое Заключительным Актом право каждого индивидуума знать свои права и обязанности в области прав человека и поступать согласно им.

В соответствии с этим мы считаем, что репрессии, направленные против участников групп содействия, должны явиться предметом обсуждения на Белградской конференции. Следует незамедлительно потребовать освобождения арестованных участников групп.

Мы призываем также к созданию представительной и компетентной международной комиссии для проверки информации, представленной группами содействия, и расследования указанных ими нарушений Заключительного Акта.

Мы готовы сообщить дополнительную информацию по просьбе участников Белградской конференции.

Представитель Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений – Людмила Алексеева, Нью Йорк, США; Андрей Амальрик – Вашингтон, США; Владимир Буковский – Лондон, Англия; представитель Литовской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений – Томас Венцлова, Лос Анжелес, США; Лев Квачевский – Вена, Австрия; представитель Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений – Леонид Плющ, Париж, Франция; Валерий Чалидзе – Нью Йорк, США.

К ЛЮДЯМ ДОБРОЙ ВОЛИ

23 апреля в гор. Киеве снова арестованы члены Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений инженер Мирослав Маринович и Николай Матусевич. Из 11 человек группы 4 человека за решеткой.

Кто следующий?

О. Мешко и П. Григоренко, замученные тюрьмами, тяжело больные?

Л. Лукьяненко и И. Кандыба, отбывшие по 15 лет в лагерях, но не сломленные?

Измученная Нина Строкатова, вернувшаяся недавно из лагеря?

Молодой добрый Петя Винс или честный мужественный писатель О. Бердник?

Кто следующий?

К Вам, люди доброй воли, этот вопрос.

Вы можете предотвратить аресты и расправу над поборниками прав человека, Вы можете возрождающемуся сталинскому злу сказать "НЕТ!" Требуйте свободу узникам совести!

Зинаида Григоренко, Татьяна Великанова, Александр Лавут, Юрий Гримм, Владимир Сквирский, Александр Иванченко.

ДЕЛО АЛЕКСАНДРА ГИНЗБУРГА

Заявление для печати

4-го июля будет 5 месяцев с тех пор, как арестован и бесследно исчез в застенках Калужской тюрьмы мой сын Александр Гинзбург. Ему только 40 лет, но это уже третий арест в его жизни. А в моей – очередной (седьмой) обыск, новый (девятый) допрос. Снова впереди "открытый" суд, на который никого не пустят, короткие тюремные свидания, томительное ожидание писем. Но в этот раз все обстоит особенно страшно. Мой сын был арестован тяжело больным. Дома остались двое малышей и боль-

ная жена, без средств к существованию, т. к. ”жену Гинзбурга” на работу не берут. Я тяжело проболела все эти месяцы. А о самом сыне мы не знаем ничего. Даже статью, по которой его обвиняют, нам пока ”знать не положено”.

Однако мы знаем, что следствие идет, и не простое. Из друзей и близких моего сына не допрашивают никого, однако усердно готовят очередных лжесвидетелей, фабрикуют ложный сценарий. А на тех, кто не готов ”содействовать” следствию, обрушивают мощь ”доказанных” обвинений — получение от Гинзбурга помощи в долларах, а то и похлеще — участие в нелегальной антисоветской организации.

Все это не моя выдумка. Вместе с этим моим заявлением я отдаю вам письмо Юрия Ивановича Федорова, ссыльного из Сибири, которого с февраля по апрель допрашивали в Калуге по делу Гинзбурга. Прочтите, и вы поймете весь ужас нынешнего нашего положения. Мы бесправны перед клеветой, ложью, насилием. Следователи КГБ, цинично ухмыляясь, прямо заявляют, что моему сыну и его друзьям грозит смерть, если они не выберут путь Якира. Прочтите это письмо, и вы убедитесь — методы 30-х годов живы!

Мы пока не знаем, по какой статье будут судить Александра Гинзбурга. Но мы твердо понимаем — КГБ готовит над ним грязную расправу и будущие петровы-агатовы уже ждут своего часа. Я прошу всех, кому дороги Добро и Справедливость, — помогите спасти жизнь моего сына!

29 июня 77 г.

Людмила Гинзбург

От редакции. Ниже приводится выдержка из письма Ю. Федорова о допросах по делу Гинзбурга. Это не единственное доступное редакции свидетельство того, что по делу Гинзбурга готовится широкая и неожиданная тематика обвинений.

Да, ”свидетели” у них, кажется, есть. Ты, кажется, переписываешься с Мурашовым*? Спроси у него, пожалуйста, — какие доллары и сертификаты давал мне Гинзбург в феврале 1975 г.? При нем! Убей меня громом, но не только долларов и сертификатов не видел, но и самого Мурашова не видел с лагеря, кажется, 71-й или 72-й годы!

Одним словом, всякая там ”политика” идет каким-то ”побочным” элементом. Основной упор — связь с границей и определенными ее

* Бывший зэк, ныне проживающий в Ленинграде. Рассказывает знакомым, что на допросе в КГБ показаний о Гинзбурге не давал.

"учреждениями", валютные операции, спекуляция, подкуп, фальсификация, мошенничество, пьянки, разврат и т. п.

Короче говоря – позавидовать им я не могу. Ведь "наши ребята" все могут, тем более что и петровы-агатовы не одиноки!

"Беседы" были ежедневные, даже воскресенья прихватывали, с 10-11 до 20-22 час. с перерывом на 2-3 часа. Но "милейший" Евг. Мих. Саушкин остался ими недоволен – создалось "впечатление", что я все скрываю от следствия. Конечно, "нехорошо" – ведь и кофе он меня поил, и на Ташкентский мюзик-холл и в музей изобразительных искусств водил, и экскурсию по городу устраивал – а я ничего не знаю из того, что его интересует!..

А теперь о "нечто".

Оказывается, у нас в СССР два "центра борьбы" с режимом и 2 "лидера": один – Таруса и Гинзбург ("легальный"), другой – Луга и... я ("нелегальный")! Я, оказывается, руководитель "Всесоюзной нелегальной организации"! Назвали даже некоторых "руководящих работников" этой "организации", убеждали добровольно назвать остальных. Но вот здесь-то наши "беседы" совсем в тупик зашли. Ну, сам подумай, как я могу назвать "остальных", если только от них узнаю, что "нач. идеологического отдела" "у меня" Иванов Н.В., "нач. сектора действия" Ханженков С.Н., а "член координационного центра" Узлов В.Н. и т. д.!!! Есть там и Драгош, и Хахаев, и Гаврилов, и Клименко, и Нагорный* и многие другие!

Откуда, В., появился этот бред собачий – не пойму, но "беседовали" о нем больше месяца! Заявляли, что "есть все доказательства", но я просил, чтобы "оживить" хотя бы "разговор", предъявить хотя бы одно – не предъявили, заявили: "Еще рано"!

В ЗАЩИТУ ВИКТОРАСА ПЯТКУСА И АНТАНАСА ТЕРЛЕЦКАСА, арестованных членов Литовской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений

После репрессий против Московской, Украинской и Грузинской групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений пришла очередь Литвы. В Вильнюсе арестованы выдающиеся участники движения за права человека Викторас Пяткус и Антанас Терлецкас* *.

Викторас Пяткус, бывший политзаключенный, знаток литовской истории и литературы, является одним из членов-основателей Литовской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений, существующей с 25 ноября 76 г.

* Бывшие эски, ныне живущие в разных городах.

** По последним сведениям, Терлецкас был вскоре освобожден – Ред.

Антанас Терлецкас – активист национального движения, давно преследуемый КГБ. Он широко известен в Литве как автор смелого обращения к главе советского КГБ Андропову, которое было опубликовано в "Хронике Литовской Католической Церкви" и получило распространение на Западе. По имеющимся сведениям, незадолго до ареста он стал членом Литовской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений.

Мы не знаем, какие обвинения будут им предъявлены, но знаем истинную причину ареста: их арест, так же как аресты девяти членов Хельсинкских групп в Москве, на Украине и в Грузии, является откровенной демонстрацией нарушения советскими властями Декларации прав человека и гуманитарных статей Соглашения в Хельсинки.

Мы обращаемся к правительствам и общественности стран, подписавших Хельсинское соглашение, с призывом требовать немедленного освобождения Виктора Пяткуса и Антанаса Терлецкаса.

Сентябрь 1977 г.

Томас Венцлова, заграничный представитель Литовской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений.

Людмила Алексеева, заграничный представитель Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ

Информация

Тимохин Валерий Сафонович, возраст 30 лет, верующий христианин.

Арестован 7 ноября 1975 г. (в дни праздника) в г. Струнино. Помещен во Владимирскую тюрьму. Инкриминируется 10 листовок в защиту Солженицына, письмо, осуждающее патриарха за связь с властями (составление или распространение – неизвестно) и призыв к свободе религии.

12 декабря 1975 г. во Владимирской областной психбольнице комиссией в составе 4 человек (фамилия 1 психиатра – Рогов) признан невменяемым. В январе 1976 г. в Институте им. Сербского диагноз был подтвержден. Затем Тимохин был переведен во Владимирскую тюрьму, потом во Владимирскую психбольницу. С мая-июня 1976 г. находится в Сычевской спецболь-

нице (Смоленская обл., учреждение ЯО 100/5, 7 отделение). Проводится лечение нейролептиками.

Целых Александр, возраст – 34 года. Инженер-геофизик. Арестован в 1972 г. в г. Красноярске. Инкриминировалось написание рукописи крамольного содержания. Комиссией врачей-психиатров признан невменяемым. Содержится в Сычевской спецпсихбольнице.

Боровский Виктор Иванович, возраст – 22 года. Арестован в Харькове 12 мая 1977 г. на трапе самолета перед вылетом в г. Киев. До отлета (в начале мая) звонил в Киев жене арестованного члена Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений Микола Руденко – Раисе. По телефону передал, что в Киеве пойдет в Верховный Совет Украины с письмом в защиту Руденко и плакатом, призывающим освободить Руденко.

После телефонного разговора с Раисой Руденко за Боровским была установлена слежка. На улице ему угрожали расправой люди в штатском.

Боровский был ранее исключен из института за попытку выяснения возможности выезда за границу у иностранца в Москве. Был арестован. Находился в психбольнице г. Славянска с диагнозом психопатия 2 месяца.

Боровский 12 мая 1977 г. был арестован и помещен в Харьковскую психбольницу по указанию начальника УВД г. Лозовая, заведующего горздравотделом г. Лозовая и врача-психиатра г. Лозовая (психдиспансера) Ень – *заочно*.

Сразу же начали уколы галоперидола, но по протесту матери Боровского отменили до проведения комиссии.

Уже 6 лет находятся в спецпсихбольницах братья Сергей и Иван Пуртовы. Они были арестованы весной 1971 года в г. Ленинграде после создания группы по правам человека. Все 6 членов этой группы были освидетельствованы в Институте им. Сербского и признаны психически больными.

Сергей Пуртов был направлен вначале в спецпсихбольницу г. Ленинграда, затем в СПб города Смоленска и наконец в г. Алма-Ата. В 1974 г. врачи рекомендовали его к выписке, признав здоровым. Однако экспертиза Института им. Сербского вновь признает его больным. И Сергей Пуртов опять в Алма-Атинской СПб. В 1975 г. с его братом Иваном Пуртовым происходит аналогичная история: врачи Ташкентской спецпсихбольницы реко-

мендовали его к выписке. Однако суд решил продолжить лечение.

До сегодняшнего дня они оба находятся в больницах-тюрьмах. Один в Алма-Ате, другой в Ташкенте.

8 июня 1977 г.

Члены Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях: *Вячеслав Бахмин, Ирина Кап-лун, Александр Подрабинек, Феликс Серебров.*

ОБРАЩЕНИЕ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ ЛАГЕРЯ 35

Сегодня голодают наши товарищи. В тюрьмах, лагерях, психиатрических больницах. 1 августа 1977 г.— день протеста советских политзаключенных против бесчеловечных условий содержания, целенаправленных издевательств, жестокости, против преследования инакомыслия. Мы часто голодаем. В карцерах, в этапных вагонах. В обыкновенные, ничем не знаменательные, в дни смертей наших товарищей. В дни чрезвычайных событий в зонах, 8 марта и 10 декабря, 1 августа и 8 мая, 5 сентября... Мы слишком часто голодаем. Дипломаты, государственные деятели заключают новые соглашения о правах человека, о свободе информации, об отмене пыток... и мы голодаем, т. к. в СССР все это не выполняется. Мы голодаем, хотя каждый новый день голодовки, иногда многомесячной, необратимо лишает нас и без того скудных сил, остатков энергии. Голод — наше естественное состояние, в лучшие дни сменяющееся "сытостью" недоедания. Где-то произносятся речи, подписываются протоколы, обещают... но у нас ничего не меняется; предоставленные самим себе, мы вынуждены голодовками протеста реагировать на все новые и новые беззакония властей, на репрессии и ущемление наших прав. Сегодня именно такой день, когда под звон разноязычной речи высоких переговоров мы продолжаем существовать в мире произвола и колючей проволоки концлагеря. Поэтому сегодня, 1 августа 1977 года, мы заявляем, что отказываемся от так называемых традиционных голодовок протеста, оставляя это единственное наше оружие для борьбы с нашими палачами, тогда, когда не голодать — означает не жить. А в свою очередь мы предлагаем всем тем лицам, соглашения и уговоры с которыми по гуманитарным вопросам СССР игнорирует, использовать голо-

довки протеста как эффективный метод борьбы с беззакониями тоталитарного СССР в области международного права.

1 августа 1977 г.

Пермская обл., Чусовской район,
ст. Всесвятская, учр. ВС 389/35

ПИСЬМО ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ ПЕРМСКОГО ЛАГЕРЯ № 36

Запад стоит перед выбором, от которого нельзя уклониться и который надолго определит не только и не столько политическую, сколько нравственную атмосферу в Европе и мире. Хотя этот выбор существенно связан с вопросами о политических заключенных и о неотъемлемых правах человека, однако речь идет все-таки преимущественно не о судьбе нескольких тысяч заложников в лагерях и в большой зоне зла, насилия и лжи. На самом деле речь идет главным образом о другом — во что ценят свободу и право те, кто привычно и уверенно пользуется ими.

На глазах всего мира безответственные политические лидеры коммунистического блока цинично пренебрегают международными обязательствами, во тьме закрытых судов нагло нарушают собственные законы, прикрывая преступления лживым пустословием о служении народу, о какой-то высшей форме демократии.

Захочет ли Запад в поисках ненадежной временной безопасности, переходящих политических и экономических выгод, пусть существенных, вновь не заметить произвол, снова разыграть неосведомленность и доверчивость, сгладить острые углы вежливыми фразами о верности каждой из противостоящих сторон своим социальным концепциям? Сочтет ли Запад военную мощь и злую решимость тоталитарных государств достаточными основаниями для того, чтобы опять допустить преступников судить других, более слабых?

Будем называть вещи своими именами — сочтете ли вы себя вынужденными своей уступчивостью попустительствовать преступлениям? Ибо ложь не существует без тех, кто верит или хотя бы делает вид, что верит ей. Ибо ваше признание нужно преступникам не меньше, чем ваши доллары, ваше равнодушие — не меньше, чем ваши машины.

Либо, напротив, у Запада достанет мудрости исходить из того,

что у людей нет более важной, более неотложной цели, чем ограничить насилие и прикрывающую его ложь;

мудрости отстаивать — как единственную гарантию безопасного существования теперешнего тесного и переплетенного мира — нравственность и право, общие для всех;

мудрости предпочесть злободневным практическим нуждам духовные ценности и защищать их сегодня, а не завтра;

мудрости пренебречь минутными противоречиями узких интересов и объединиться ради великой цели.

Хватит мужества твердо заявить, что кровь и слезы не есть что-то внутреннее дело, не отступить перед проблемами, решение которых совсем не очевидно, во всяком случае очень трудно, и пытаться пресечь беззаконие там, откуда обман и соблазн насилия расползаются повсюду.

Хватит терпения и настойчивости честно делать все возможное, чтобы предотвратить вооруженное столкновение и все-таки не отступить ни на шаг.

Достанет бескорыстной верности нравственному долгу.

И в этом, на самом деле, и состоит выбор.

Вас пытаются убедить, будто деспотия может быть миролюбива, будто руководители, сделавшие ложь, клевету, незаконные расправы профессиональным занятием сотен тысяч внутри страны, пожелают честно держаться своих обязательств вовне. Вам говорят: "Будьте реалистами, не забывайте, как мы сильны. Не тащите мораль в политику, оставьте ее для воскресных проповедей. Разве реалистично замечать то, что мы прячем, и открыто говорить об этом? Это может затруднить разрядку".

Что ж, этот нравственно однозначный выбор и в самом деле не прост с точки зрения традиционной политики.

Но если меновую стоимость в политической игре вновь приобретает свобода — чужая свобода, та, которую ваши предшественники помогли потерять столь многим, отдавайте себе отчет в том, что дурной опыт торговать чужой свободой неизменно грозит потерять и собственную.

Зиновий Антонюк, Семен Глузман, Игорь Калинец, Сергей Ковалев, Валерий Марченко, Пятрас Плумпа, Евгений Сверстюк, Иван Светличный, Баграт Шахвердян.

О ПРЕСЛЕДОВАНИИ НЕМЦЕВ В ЛИТВЕ (Документ № 6)

Во время второй мировой войны Сталин совершил одно из крупнейших преступлений нашего века: выселил целые народы с их территорий, заселив земли сосланных пришельцами из других мест. Эта судьба постигла крымских татар, приволжских немцев, калмыков, ингушей, чеченцев, балкарцев и других. Спустя 24 года после смерти тирана к нам обратились сорок девять семейств приволжских немцев, проживающих в Литве, в Радвилшском (Radviliskis) р-не, с описанием того, что приволжские немцы по-прежнему находятся вне закона: им чинятся всяческие препятствия с пропиской и устройством на работу. Немцы обращались в основные административные инстанции Москвы и Вильнюса, но не дождалась помощи. Поэтому они заявляют, что если им не будет предоставлено гражданское равноправие, то они откажутся от советского гражданства и потребуют выезда на свою историческую родину — Федеративную Республику Германии.

Таким образом нарушается Указ от 1965 г., отменяющий ограничения, применяемые к немцам на территории СССР, нарушается сама Конституция СССР, Международный пакт о гражданских и политических правах.

Литовская общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений заявляет, что подобное непрекращающееся преследование приволжских немцев противоречит и духу Соглашения в Хельсинки.

Вильнюс, 19 марта 1977 г.

Члены Литовской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений: *о. Каролис Гаруцкас, Эйтан Финкельштейн, Она Лукаускайте-Пошкене, Викторас Пяткус, Томас Венцлова.*

ДЕЛО БУХАРИНА

Редакция располагает следующим полученным из Москвы сообщением.

Об отказе в реабилитации Н.И. Бухарина

В первых числах июня 1977 г. на квартиру А.М. Лариной (вдовы Н.И. Бухарина) позвонил работник КПК Климов и просил с ним связаться. Поскольку А.М. Лариной не было в Москве, Ю.Н. Ларин, ее сын и сын Н.И. Бухарина, 9-го июня позвонил по общему Климовым телефону и спросил, не звонил ли он по поводу писем, направленных накануне XXV съезда и на сам съезд, в Президиум съезда, в Политбюро ЦК КПСС и лично Генеральному Секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу вдовой и сыном Бухарина, с просьбой о его реабилитации. Климов подтвердил, что его звонок связан с этим, и сказал следующее:

Мне поручено передать Вам, что Ваша просьба о восстановлении Бухарина в партии и в звании действительного члена Академии наук СССР не может быть удовлетворена, поскольку с него не сняты обвинения в уголовных преступлениях, за которые он был осужден.

Ю.Н. Ларин ответил, что многие сопроцессники Бухарина реабилитированы, например, Крестинский, Икрамов, Ходжаев.

Климов ответил Ларину, что ему, очевидно, не известно, что большое количество подсудимых на процессе не реабилитировано. Ю.Н. Ларин спросил: "Неужели Вы верите, что Николай Иванович убил Горького?" Климов ответил: "Этот вопрос находится в компетенции органов суда и прокуратуры". Ю.Н. Ларин спросил: "Значит, вы считаете, что мне нужно обратиться в эти органы?" Климов на это ответил: "Это ваше право", но дал понять, что в настоящий момент этого делать не следовало бы. "Вы же знаете, какая сейчас сложная обстановка".

Впервые А.М. Ларина и Ю.Н. Ларин обратились с просьбой о реабилитации Н.И. Бухарина в 1961 г. Таким образом, отрицательный ответ получен через 16 лет после первого обращения и

через 1,5 года после последнего. (Друзья В.И. Ленина Е.Д. Стасова и В.А. Карпинский, обращавшиеся с аналогичной просьбой в 1965 г., умерли, так и не получив ответа.)

Получив приведенное сообщение, Ю.Н. Ларин обратился 11 июня 1977 г. к Председателю Верховного Суда СССР с ходатайством о реабилитации Бухарина.

От редакции. В годы Хрущева и особенно после 22-го съезда партии идеи Бухарина по-прежнему критиковались в официальной литературе как "неправильные" и даже "антиленинские", однако уголовные обвинения в измене, терроризме, шпионаже, диверсии и т. д. более не упоминались. Можно было предполагать, что сталинские уголовные обвинения 1938-го были официально отвергнуты. Во всяком случае на официальной конференции историков в декабре 1962 академик П.Н. Поспелов заявил в ответ на вопрос из собрания:

"Я могу заявить, что достаточно внимательно изучить документы XII съезда КПСС, чтобы сказать, что ни Бухарин, ни Рыков, конечно, шпионами и террористами не были"*.

* *Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам (18-21 декабря 1922)*. М., "Наука", 1964, стр. 298. Поспелов говорил здесь, конечно, для партийного руководства.

Петр Григоренко

ПИСЬМО ДИРЕКТОРУ ТАСС

На днях мне удалось прочесть "Заявление ТАСС" от 15 мая с. г. (в обратном переводе с английского) "Предупреждение провокатору". Оно поразило меня своей полной противозаконностью, грубым извращением фактов и злобно-оскорбительным тоном.

Тон обсуждать не будем. Он от культуры составителей. А культура, коль ее нет, так нет. И спрашивать нечего.

О правовой же и фактологической сторонах поговорить стоит.

Прежде всего нам не известны правовые акты, на которые опирается КГБ, присвоив себе функции классной дамы ("предупреждение" — "не шалите, дети, плохо будет") и ведомства по охране Конституции. Мы знаем, что самая большая угроза для конституции обычно исходит именно от репрессивных органов. Тем более это относится к советской госбезопасности, об антиконституционной практике которой так убедительно говорилось на XX и XXII съездах КПСС.

Далее. Известно, что преступником может признать человека только суд. Госбезопасность на протяжении всей истории советского государства явочным порядком присваивала это право и себе. В рассматриваемом "Заявлении" сообщается как доказанное, что известный в Советском Союзе и за рубежом физик-теоретик, доктор физико-математических наук профессор, член-корреспондент Академии наук Армянской ССР Орлов Юрий Федорович — *провокактор* и что он совершил по крайней мере два преступления: занимался антиконституционной и антисоветской деятельностью. Как доказанное преподносится и утверждение, что Орлов стремится "снискать популярность среди противников разрядки международной напряженности и врагов Советского Союза".

И, наконец, если даже негласный полицейский надзор и основанная на нем система "воспитательных" предупреждений в на-

шей стране узаконены, то почему меня и других членов группы предупреждают заявлением ТАСС, которое к тому же рассчитано на границу и, следовательно, может стать известным только случайно. Утверждение, что группу "сколачивает" Орлов, смешотворно. В группе нет ни несовершеннолетних, ни недееспособных. Каждый член группы принял решение сам за себя, и Орлов не может нести ответственности ни за кого, кроме себя. Предупреждать членов группы через него бессмысленно. Если уж предупреждать, то каждого.

Теперь об извращениях.

Первое касается личности Орлова. В "Заявлении" утверждается, что "Орлов... некогда занимался научной работой... в последние годы посвятил себя антисоветской деятельности". Это утверждение, мягко говоря, не соответствует истине. Орлов и сейчас ведет большую научную работу и *публикуется*. Правда, не по своей вине, далеко не всегда на родине. Но работу эту он ведет, не состоя на службе. Его уволили за выступления в защиту осужденных за убеждения. Вот об этом авторы "Заявления" сообщить "забыли". Для полицейского чиновника "работает" только тот, кто на службе состоит.

Когда Вы будете через свое агентство снова высказывать возмущение по поводу увольнения с *государственной* службы в ФРГ за принадлежность к коммунистической партии, попытайтесь сопоставить это с увольнением Юрия Орлова, члена-корреспондента Академии наук СССР Шафаревича Игоря Ростиславовича, доктора физико-математических наук Турчина Валентина Федоровича и многих им подобных, лишенных работы по специальности, высланных с родных мест и подвергнутых другим административным репрессиям по указаниям КГБ.

Второе относится к названию и целям группы, которой посвящено "Заявление". В последнем говорится о "претенциозно-провокационном" названии "организации по контролю за соблюдением Советским Союзом условий Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе". На самом деле группа назвалась куда скромнее: Группой содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Было предложено назвать еще проще: группа "Хельсинки". Это предложение, к сожалению, не собрало большинства, хотя короче и потому лучше. Но дело не в названии. Любые названия условны. Дело в сути. О ней и надо говорить.

”Заявление” рассматривает создание такой группы как ”попытку поставить под сомнение в глазах общественности искренность усилий Советского Союза, направленных на неукоснительное проведение в жизнь принятых им международных обязательств, или как еще одну провокацию, имеющую целью препятствовать процессу ослабления международной напряженности”.

Поражает эта поспешная попытка скомпрометировать и удушить только родившееся предприятие. Это было бы объяснимо, если бы советское правительство не собиралось выполнять Хельсинкские соглашения. Но правительство утверждает обратное, а значит, данное чиновничье-полицейское творение противоречит интересам государственной власти. Оно бросает тень на заявления правительства, порождает сомнения в их искренности. Наоборот, деятельность Группы никого и ничем опорочить не может. Хельсинкские соглашения — дело настолько серьезное, что никого не удивляет и не удивит оказываемое им внимание. На днях американский сенат создал комиссию по контролю за выполнением этих соглашений. Ничего не будет удивительного, если и другие парламенты, в том числе Верховный Совет СССР, создадут аналогичные комиссии.

”Правда” еще в феврале с. г. сообщала как о положительном явлении о создании на Западе общественных групп в поддержку Хельсинкских соглашений.

Какие же основания думать, что мы, создавая аналогичную группу, руководствовались преступными соображениями, что мы делаем это в интересах ”популярности среди противников разрядки и врагов Советского Союза”, что мы пытаемся взять ”под сомнение ... искренность усилий Советского Союза”?

Наша группа образована на правах авторского коллектива. Какая конституция и какие законы запрещают авторам соединить свои усилия в одном коллективе?! Так почему же ”Заявление” ТАСС еще до того, как Группа начала работать, назвало ее деятельность антиконституционной и противозаконной?!

Так, может, цель действий Группы находится в противоречии с законом? Вряд ли и это.

Группа ставит своей целью: изучать на основе доступных ей материалов влияние неукоснительного соблюдения гуманитарных статей Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе на внутреннюю жизнь нашей страны

и международные отношения. Речь идет о следующих статьях Заключительного Акта:

1. Декларация принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях. Пункт VII. Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, религии и убеждений.

2. Сотрудничество в гуманитарных и других областях. 1) – Контакты между людьми. 2) – Информация. 3) – Сотрудничество и обмены в области культуры. 4) – Сотрудничество и обмены в области образования.

Свои исследования Группа намеревается вести как на основе личных наблюдений и изучения соответствующих материалов из советской и зарубежной прессы, радио и телевидения, так и путем сбора информации от общественности. Она будет рада установить обмен информацией с аналогичными группами за рубежом и особенно в нашей стране, если таковые где-то образуются. Результаты своих исследований Группа предполагает публиковать, а в необходимых случаях сообщать правительствам стран-участниц.

Группа будет изучать прежде всего опыт выполнения Хельсинкских соглашений нашей страной. Но не ограничится только этим. Она изучит, в меру доступности, и иностранный опыт.

При этом имеется в виду изучение не только нарушений, но и положительного опыта. Больше того, нам особенно хочется собрать и обнародовать положительные результаты применения в Советском Союзе гуманитарных статей Заключительного Акта.

Что преступного во всем этом?!

Я уверен, что такая деятельность, если она будет проводиться с достаточной энергией и настойчивостью, может только способствовать выполнению Хельсинкских соглашений, разрядке напряженности и росту доверия между странами-участницами.

Следовательно, рассматриваемое "Заявление" ТАСС ошибочно и по форме, и по существу, а "предупреждение" КГБ, будучи противозаконным по своей сути, бьет мимо цели. Оно фактически наносит урон престижу нашей страны и отрицательно влияет на доверие к ней.

Я надеюсь, что Вы распорядитесь распространить это письмо по тем же каналам, по которым распространено "Заявление" ТАСС от 15 мая 1976 г.

Л. Богораз, А. Марченко

О НАРУШЕНИИ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ (Письмо в газету)

В этом письме речь пойдет не о расправах с помощью суда – хотя мы оба испытали их; и не о “запрете на профессию” – хотя я, Лариса Богораз, навсегда лишена надежды работать по специальности из-за моей неблагонадежности; и не об отсутствии свободы передвижения и выбора места жительства, хотя мне, Анатолию Марченко, было запрещено жить вместе с женой и ребенком, даже приближаться к их дому, и за нарушение этого запрета меня сослали в Сибирь.

Речь пойдет о явлении, по советским меркам почти безобидном и безопасном, – об обысках, слежке, подслушивании. Эти действия властей не угрожают нашей жизни, но делают ее непереносимой.

За 9 лет – с 1968 года – мы пережили 10 обысков (не считая тюремных и лагерных шмонов, пришедших на этот же период) :

3 обыска в августе 1968 г. в Москве;

обыск в 1970 г. в ссылке в Сибири;

обыск осенью 1973 г. в Тарусе;

обыск зимой 1975 г. в Тарусе;

обыск зимой 1976 г. в поезде;

обыск 20 мая 1977 г. в ссылке в Сибири;

и два негласных обыска – в 1971 г. в Сибири и в 1974 г. в Тарусе, впрочем, негласных обысков, возможно, было больше, лишь о двух нам достоверно известно.

Что у нас отнимали на обысках? Личные письма, личные документы, записные книжки, фотографии друзей, пишущие машинки, перепечатанные на машинке документы – в том числе конвенции ООН (1970), воззвания международной организации “Амнистия” (1977), документы группы “Хельсинки” (1977), ксерокопированные вырезки из зарубежных газет и журналов (“Таймс”, “Монд”, “Нью Йорк Таймс”, “Русская мысль” и др.), книги и брошюры Солженицына (1971, 1973), Копелева (1976), Сахарова (1977), Р. Конквеста “Большой террор” (1977), Евангелие (1971), литературу Самиздата – “Хронику текущих событий” (1970), открытые письма и заявления и т. п. И неизменно, постоянно, неизбежно – каждое собственное записанное слово: дневники, черновики, наброски, заметки, конспекты, рабочие варианты сочинений, уже опубликованных (на Западе, конечно), черновики, забракованные самим автором, наброски только задуманных работ. Все, что не удалось надежно спрятать.

Сразу сознаемся: нам известно, что некоторые изъяты у нас материалы считаются “криминальными” – например, “Хроника текущих собы-

тий”, романы Солженицына. Известно по догадке и по опыту: за их ”хранение” кто-то был осужден (кстати, узнать это можно только из ”Хроники”). Мы не считаем это ни справедливым, ни законным, но сейчас, повторяем, ведем речь о другом.

Отбирают все подряд. Перед началом обыска ”по делу Гинзбурга” подполковник Дубянский предлагает:

– Выдайте все сами.

(Закон требует, чтобы было предложено сдать ”криминал” добровольно, подполковник знает закон назубок.)

– Что ”все”? По делу Гинзбурга – что?

– Вообще все, что может нас интересовать.

– Что именно?

– Ну, вы сами понимаете. Например, произведения Солженицына.

– У нас нет. – (Действительно, уже нет, раньше отобрали.) – И вообще, вы пришли с обыском по делу Гинзбурга...

– ... Сахарова... Марченко ”От Тарусы до Чуны” есть?

Руки лейтенанта и подполковника перещупывают все наше имущество: грязное белье и детскую постель, тома Пушкина на полке и использованную бумагу в сортире, картошку в подполье и игрушки ребенка; восемь пар ног шесть часов толкутся в наших двух комнатах; железный книгоискатель протыкает землю и стены.

Подполковники листают раньше нас самих наши письма; уши их приложены к отводной трубке нашего телефона (дважды за это время у нас отключали телефон в наказание за разговоры с заграницей). Конечно, мы разделим негодование американских граждан в связи с вмешательством ЦРУ в частную жизнь. Но, право же, смешно читать возмущенные корреспонденции какого-нибудь Боровика или Стуруа о ”тотальной слежке”, досье на неблагонадежных в США и т. п. Да на них самих, на Боровика и Стуруа, наверняка в КГБ лежит уже не по одному тому. И на нас – тоже.

Одному из негласных обысков сопутствовал взлом двери (1971) – сотрудники госбезопасности работали под домушников, но не тронули ни денег, ни вещей, а украли: фотографию Петра Григоренко, роман Солженицына, Евангелие, пишущую машинку и, конечно, все рукописи А. Марченко.

Восемь обысков было ”законных” – в нашем присутствии, по постановлению следователя, санкции прокурора. Итак: в соответствии с законом по поводу недозволенной отлучки А. Марченко из Тарусы у него произведен обыск и изъяты – рукописи; в связи с участием Л. Богораз в демонстрации у нее на обыске изъяты личные письма; обыски – и изъятие книг, фотографий, личного архива – по причине знакомства с Н. Горбаневской, с А. Гинзбургом; по подозрению в причастности к тайнственному тогда ”делу № 24”; по подозрению в поездной краже. И так далее. Завтра нас обыщут и ”законно” ограбят по подозрению в причастности к Бухарестскому землетрясению или к засухе на целине... Следователь выпишет постановление, прокурор санкционирует. В дальнейшем в связи с расширением соцдемократии будет требоваться подпись Председателя Президиума Верховного Совета? Подпишет, о чем там говорить! Рас-

стрельные списки подписывали, подумаешь – обыск! Пока что остановка не за подписью, за самим Председателем, куда-то запропастился; ну, нового поставят.

Все-таки на этом надо остановиться подробнее. 20 мая нас обыскали “с целью отыскания и изъятия документов и предметов, имеющих отношение к делу № 6 в отношении Гинзбурга А.И.”, – по постановлению следователя, с соблюдением соответствующих статей уголовного кодекса. Может быть, сам Александр Гинзбург показал, что передал нам “документы и предметы”? Или кто-нибудь из свидетелей? Ничего подобного нам не предъявили, да и не может быть таких показаний, т. к. этого не было. И никаких вещей, “имеющих отношение”; у нас не обнаружили – но в протоколе записано 52 номера изъятых, наших собственных, бумаг и книг. За ними-то и приходили. Просто обставленный всеми формальностями, узаконенный произвол. Так выглядит у нас неприкосновенность личности и неприкосновенность жилища.

Раз все это законно – то, значит, советский закон предусматривает нарушение естественных прав человека. Значит, речь идет не о *случае*, а о *принципе* нарушения этих прав.

Мы просим читателей представить себе ежедневный быт в кругу таких законов и “национальных традиций”. Итак, письма от друзей вы храните в корзине для мусора (но и оттуда их извлечет добро совестный исследователь). Ваше книгохранилище оборудовано в бочке с навозом – когда его обнаружат, то фотографию этого “тайника” опубликуют в книге “Наймиты империализма”. В записной книжке вы обозначаете знаковыми ключками (иначе ведь и они попадут под недремное око) – но в КГБ чего-то там сложат, умножат, подытожат и узнают, кто есть “Доктор”, а кто “Еж”. Каждый исписанный вами листок вы должны распечатать в пяти экземплярах, закопать в землю, спрятать в печной трубе, опустить в колодезь – авось, хоть один экземпляр уцелеет. Но нет, извлекли все – и из земли, и из трубы, и из колодезя, всю вашу работу за несколько лет жизни. Больше вы не увидите ее. Никогда. Ни разу нас не привлекли к ответственности за хранение “криминальных” материалов. И ни разу не вернули ни клочка изъятых бумаг.

Мы не подпольщики, а нас принуждают к конспирации. И уже не законопослушание и даже не моральные начала останавливают нас – мы готовы были бы силой отстоять свои рукописи. Но это *абсолютно безнадежно*: невозможно помешать грабежу под эгидой закона и власти. Кроме отчаяния описанная ситуация вызывает у нас чувство бесконечного унижения.

Нашему сыну четыре года, за свою жизнь он пережил четыре обыска. В последний раз он нам сказал: “Я хотел вам напомнить, чтобы вы спрятали мои книжки...” Книжки спрятать! – не мы, а советский закон причает к этому нашего ребенка: полгода назад такой вот “дядя Коля” хотел отнять его книгу, Евангелие в переложении для детей. Сын кричал на весь вагон: “Мама, не отдавай мою книжку!”; в поезде при обыске было много пассажиров, и книга уцелела.

Постараемся быть объективными. Столь настойчивым вниманием власти удостаивают далеко не каждого своего подданного – может, всего сто человек, может, тысячу, может, десять тысяч, кто знает. Но круг

удостоенных расширяется вместе с кругом непокорных. Вот уже наши сибирские знакомые оказались в поле зрения КГБ; сначала их вербовали доносить на нас, теперь шантажом и угрозами пытаются прекратить знакомство. Каждая их встреча с нами на счету – возможно, что и на слуху.

“У нас не возбраняется “мыслить иначе”, чем большинство”, – сказал недавно лидер Советского Союза. Да, пока не возбраняется – пока еще нет специального шупа для обыскивания мозгов и извлечения из них всякой незалитованной мысли. Но и сейчас пища для мозгов советского человека – книги, информация – должна быть пастеризованной на предмет уничтожения бактерий сомнения и независимости. А результаты его “дозволенных” размышлений, “ума холодных наблюдений и сердца горестных замет” пополняют пухлое досье в хранилищах КГБ, а скорее всего будут просто уничтожены.

25 мая 1977 г.

Иркутская область, поселок Чуна.

ДОКУМЕНТЫ ФОНДА ПОМОЩИ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫМ

Выступление на пресс-конференции 22/VI - 77 года

Центральный вопрос сегодняшней пресс-конференции – Русский Общественный Фонд помощи политзаключенным СССР. Его значение, его функции, его возможности и препятствия, которые стоят на его пути.

Из этого следует, что мы посвятим сегодняшнее наше заседание узникам совести, находящимся под следствием и судом, уже осужденным и отбывающим наказание в тюрьмах, лагерях, психиатрических больницах, ссылках или уже освободившимся, но отправленным жить в строго предписанные им места: провинциальные города, поселки, селения. Мы посвятим наше заседание также их многострадальным семьям.

К сегодняшнему заседанию мы составили обширный документ (30 стр.) "Помощь политзаключенным в СССР".

Мы не будем его читать, а лишь познакомим вас с его структурой, что-бы вам легче было в нем разобраться, и подчеркнем те положения, которые, нам представляется, требуют особенно пристального внимания.

Но до этого позвольте кратко остановиться на двух вопросах, которые находятся у всех на устах, которые висят в воздухе, дебатуются в прессе и имеют непосредственное отношение к проблематике сегодняшней конференции.

1. Есть ли, можно ли найти хоть слабые проблески надежды на то, что постсталинское советское общество развивается и будет развиваться в направлении *реального* осуществления человеческих прав на основные свободы?

Мы отвечаем на этот вопрос отрицательно, опираясь на собственный опыт и на опыт и информацию, которые были приобретены в связи с работой Фонда. Деятельность распорядителей Фонда всегда связана с людьми, условиями их жизни, гонениями и преследованиями, многочисленными фактами – свидетельствами их бесправия, фактами бесчеловечного обращения с ними.

На основании сказанного мы утверждаем следующее:

а) Природа советского режима не меняется. Она остается прежней во всем, что касается насилия, лживости и нетерпимости.

б) Советское общество основывается по-прежнему не на законах (включая суд, который подчиняется не закону, а партийно-административной идеологии) и не на законных правах. Оно покоится на чувстве страха, создаваемом всеохватывающей системой террора и слежки.

в) Безусловно, фактически существующий режим внешне выглядит сравнительно пристойно: невинные жертвы не исчисляются десятками миллионов. Глубинная же суть режима не изменилась, ибо и без применения повальных арестов режим держит миллионы душ и умов

в железной клетке официальной идеологии, калеча (и успешно) свободную волю, совесть, творческое самовыражение, уважение к правде. Права и свободы подавлены, подавлена потребность в правах и свободах, и поэтому *тотальный* террор стал излишним.

г) С раннего детства нас *приучают* к тому, что из рук тотальной идеологии вместо реальных прав дается только их искаженная видимость, чтобы к мысли о реальных правах не привыкали, не желали бы этих прав.

д) Для тех немногих, которые, несмотря ни на что, будут претендовать на реальные права и свободы, заготовлены ярлыки – уголовник, псих, валютчик, шпион, изменник родины – и статьи уголовного кодекса. Миллионы остальных – так называемые “благоразумные” и “сознательные” граждане – довольствуются минимальными правами.

е) Официальная идеология искажает реальность в умах своих подданных, проявляя крайнюю нетерпимость к объективной информации, к свободному обмену идей, свободному передвижению людей, к попыткам начать дискуссию о конституционных правах.

Если внимательно изучить документ Фонда, документы Группы содействия, документы общин верующих, заявления групп лиц и отдельных лиц, приговоры политзаключенных, ответы на жалобы, мотивировки отказов на выезд, которые уже переданы и будут переданы, – то можно увидеть и факты, которые это подтверждают, и почувствовать атмосферу, в которой мы живем.

2. Есть ли смысл противостоять произволу и насилию? Есть ли смысл добиваться ликвидации бесправия в военизированной державе? Есть ли смысл выступать в защиту несуществующих прав человека в СССР президенту свободной страны?

На этот вопрос мы отвечаем положительно:

– Да, есть, –

хотя прекрасно понимаем, что в ближайшее время *существенно* ничего изменить не удастся, т. е. советское общество *не* станет правовым. Однако мир должен понимать, что, если в руках бесправного общества, живущего по мнимым законам, общества с режимом без стыда и совести сосредоточена военная сила, – это общество всегда таит в себе угрозу всему миру, оно будет изворачиваться всеми способами, используя и сохраняя свое единственное преимущество – силу оружия и силу дезинформации.

Человеческие права и свободы – необходимые условия безопасности и сотрудничества.

С государством, базирующимся на неписаных и незаконно писаных законах, – никогда не будут достигнуты ни безопасность, ни сотрудничество. Оно обязательно обманет, и его многомиллионный бесправный народ его поддержит, ибо он лишен основных *реальных* понятий (прав), а наделен лишь обязанностями, главнейшая из которых – полностью разделять идеологию единственной партии, партии, стоящей у власти, все пронизывающей и убивающей всякую живую мысль еще в зародыше.

И этот ослепленный народ, для которого реально существует один закон – закон подчинения идеологии зла и насилия, – является той силой,

на которую опирается ослепивший его режим. И если не спадет пелена с его глаз, если эту пелену Запад будет игнорировать – это неизбежно приведет к обесцениванию идеалов западной свободы, бросит тень на сами выступления в защиту этих прав и поколеблет права и свободы на Западе.

Чтобы этого не произошло, надо шаг за шагом, бескомпромиссно, не отступая и не уступая, требовать от советского режима хотя бы в конкретных сиюминутных случаях соблюдения тех пактов, которые он подписал, даже если они не соответствуют собственным порядкам и обычаям. Это не будет вмешательством во внутренние дела, это будет требованием выполнять подписанные советским режимом международные обязательства по формуле: подписал – выполняй.

Сохранение Русского Общественного Фонда и представляется нам неотложной, конкретной помощью в защите прав человека в СССР. И так как источник Фонда находится на Западе, а мы – на Востоке, необходимо действовать в тесном контакте.

Мы убеждены, что сохранить Фонд можно только в том случае, если добиться того, чтобы режим признал *неизбежность его открытого существования*. Это – *очень* важно. Это – сиюминутное дело – повлечет за собой большие изменения в психологии советского человека. Вот почему мы начали свой документ словами: [...]

Мы обращаемся к мировой общественности с призывом добиваться международного правового статуса для Фонда помощи узникам СССР и других стран, в которых власти *запрещают* оказывать узникам материальную помощь, в которых акт милосердия считается предосудительным и противозаконным.

Никто при этом не имеет права обвинять желающих оказать помощь – моральную или материальную – во вмешательстве во внутренние дела, ибо права на оказание помощи людям, на милосердие, на добро – это те международные права, которые должны существовать вне наций, вне государственных границ, вне идеологий.

В осуществлении их имеют право участвовать поэтому все нации, все государства и главы государств, которые приняли на себя почетную обязанность защиты угнетенных и бесправных народов, угнетенных и бесправных личностей. Мы признательны им за это.

Эти слова признательности относятся прежде всего к президенту США.

Если эта попытка не увенчается успехом и Фонд погибнет – все равно борьба за него оставит глубокий след, так как вскроет истинное существование советского режима.

22/VI-77 г.

Преемники Русского Общественного Фонда помощи политзаключенным СССР: Татьяна Ходорович, Мальва Ланда.

Письмо президенту США

Глубокоуважаемый господин президент!

Мы решаемся обратиться к Вам, ибо Ваши благородные и беспрецедентные заявления о правах человека в СССР позволяют нам надеяться на Ваше внимательное и действенное сочувствие – за последние полгода мы убедились, что американский народ не остается равнодушным к ущемлению свободы, где бы оно ни происходило.

Официальные власти планомерно уничтожают Общественный Фонд помощи советским политическим заключенным и членам их семей, который был основан на Западе А.И. Солженицыным.

Едва ли необходимо подробно рассказывать об очевидных для каждого задачах Фонда – он служит делу человеколюбия и милосердия, его распорядители призваны материально поддерживать и нравственно ободрять преследуемых и гонимых. Мы убеждены, что ни в одной цивилизованной стране такая деятельность не встречает сопротивления властей. Иначе обстоит дело в СССР. Здесь враждебно и пристально следят за всяким шагом распорядителей, так что их свобода и само существование Фонда подвергается ежеминутной опасности. Недавний арест Александра Гинзбурга – наиболее вопиющее, но далеко не единственное свидетельство этому.

Во время систематических обысков конфискуются списки уже репрессированных узников совести, и распорядителям неимоверно трудно поддерживать нуждающихся: во-первых, осужденных инакомыслящих слишком много, чтобы удержать в голове все их имена, а во-вторых, с ними зачастую расправляются у нас по сфабрикованным уголовным обвинениям, и только располагая тщательно собранной документацией – причем собирать ее власти, разумеется, целенаправленно мешают, – можно правильно и оперативно распоряжаться средствами Фонда.

Мы, люди, родившиеся и выросшие в Советском Союзе, с детства дышим воздухом страха и приучаемся заранее предугадывать, каким окажется обвинение за поступки или просто мысли. Общественный Фонд помощи политическим заключенным, самим своим существованием прямо утверждающий силу активного Добра, особенно нестерпим для лживого, изворотливого режима, а поэтому советскому человеку совершенно очевидно, что любая форма причастности к Фонду будет караться особенно жестоко и беспощадно. Горько и страшно наблюдать, как пожертвования в Фонд от советских граждан – поначалу весьма ощутимые – резко сокращаются. Но еще страшнее то, что многие родственники осужденных, нередко испытывающие крайнюю нужду, отказываются от предлагаемой им помощи, боясь, что их обвинят в преступной связи с антисоветскими зарубежными организациями или подвергнут изматывающей, садистской травле.

Прошло всего несколько месяцев с тех пор, как мы – трое нынешних распорядителей Фонда – приняли после ареста Александра Гинзбурга дела, и вот у нас уже фактически отняли возможность выполнять взятые на себя обязательства:

Мальва Ланда – жертва несчастного случая, пожара – обвинена в "неосторожном уничтожении или повреждении государственного и частного

имущества», ст. ст. 99 и 150 УК РСФСР, и приговорена к двухлетней ссылке и возмещению убытков (?!);

Крониду Любарскому, живущему – без права выезда – в городе Та-русе, готовят уголовное наказание за “неподчинение властям”;

Татьяне Ходорович неоднократно передавали угрозы следователей КГБ, что если она не уедет из СССР, то ее посадят.

Нам совершенно ясно, что люди, готовые заменить нас, найдутся. Но мы не сомневаемся и в том, что расправа с ними будет решительной и скорой. Общественному Фонду помощи политзаключенным угрожает разгром. Сейчас Фонд не обеспечен ничем, кроме опасливого сочувствия одних и безоглядной самоотверженности других. А это значит, что он по существу беззащитен.

Мы призываем мировую общественность добиваться признания за Фондом легального статуса по нормам международного права и просим Вас, господин президент, поддержать наш призыв авторитетом руководителя великой державы. В подполье Фонду не выжить. Необходимо потребовать от советского правительства, чтобы распорядителям Фонда хотя бы была предоставлена возможность получать из-за границы деньги по официально признанному курсу обмена доллара на рубль. Необходимо потребовать, чтобы нам дали право вести подробную отчетность и пересылать ее директору Фонда. Необходимо потребовать, чтобы дело милосердия не приравнивали к уголовно наказуемым махинациям.

Господин президент! Раньше мы никогда не обращались за помощью к руководителю другой страны, но вынуждены переступить через веления собственной этики. Мы обращаемся к Вам, ибо считаем, что защитить Фонд сегодня все-таки легче, чем создать потом заново, и открыто признаем, что отстоять его только своими силами мы не можем. Мы нуждаемся в Вашей поддержке, ибо без нее железный занавес снова опустится, а закрытые общества уже не раз приносили неисчислимые бедствия и своим народам, и всему миру.

23. VI.-77 г.

Премники Русского Общественного Фонда помощи политзаключенным СССР: Татьяна Ходорович, Мальва Ланда, Кронид Любарский.

**ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ НА КВАРТИРЕ
У О. ДИМИТРИЯ ДУДКО 27.IV.77 г.
по поводу статей в "Литературной газете" 13 и 20 апреля с. г.**

Вступительное слово священника Глеба Якунина

Уважаемые господа корреспонденты!

Как Вы уже знаете, 13 и 20 апреля в "Литературной газете" опубликована статья Б. Рошина "Свобода религии и клеветники".

Мы, участники общественного христианского движения в защиту религии в нашей стране, придаем большое значение опубликованию этой статьи.

Мы пригласили Вас, чтобы рассказать о нашем отношении к этой статье, поделиться своими соображениями по поводу ее опубликования.

Мы, христиане, не удивлены попыткой ошелюмовать нас в нравственном, моральном плане – это один из аспектов статьи. В нашей стране этот метод применяется антирелигиозной пропагандой для борьбы с религией, и постоянно – вот уже 60 лет. А своими историческими корнями этот метод клеветы и лжи восходит к первым векам существования христианства, когда еще в Римской империи таким способом пытались настроить против христиан языческую толпу.

Статья имеет целью оттолкнуть от тех, о ком в ней пишется, таких людей, которые некритично воспринимают то, что печатается в советской прессе, верят в то, что официально заявленное не может быть ложью. Далее, статья имеет целью изолировать от церковных диссидентов ту часть верующих, которые, хотя и понимают, что напечатанное – ложь, все же могут испугаться, что общением с нами навлекут на себя неприятности. Но главная цель этой статьи, по нашему мнению, – это разведка боем, выражаясь языком войны. То, что нас не арестовали сразу после публикации этой статьи, отнюдь не означает, что нас вообще не арестуют в ближайшее время. Публикацией этой статьи власти хотят проверить, какую реакцию у общественности Запада, у мирового христианства могут вызвать репрессии против христиан России, против участников правозащитного религиозного движения.

Казалось бы, к чему такая осторожность. Не проще ли было бы сразу же произвести аресты, как это сделали с Гинзбургом, Орловым, Шаранским. Такое промедление вызвано специфическим отношением власти к церковным диссидентам. Это особое отношение именно к религиозным диссидентам объясняется следующим: верующих труднее запугать, сломать, т. к. искренне верующий человек считает честью пострадать за церковное дело, за своего ближнего. За время существования советской власти стало ясно, что религия – это единственная сила, которую уничтожить нельзя, этого сделать не удалось даже Сталину.

Если репрессии против движения за права человека, за гуманистические ценности вызывают протест во всем мире, то репрессии против христиан, тем более отстаивающих интересы Церкви, вызывают более сильную реакцию у братьев по вере, единоверцев, у всех христиан. Такие преследования только способствуют религиозному подъему, что приводит лишь к обратному для гонителей результату.

Христианство имеет мощную социальную базу как в нашей стране, так и за рубежом – у нас их десятки миллионов. Власти, естественно, боятся вовлечения широких слоев верующих в движение протеста против религиозных притеснений.

Сейчас начинают приходиться к вере многие из тех, кто раньше к Церкви относился плохо. Это молодежь, интеллигенция, рабочие, т. е. люди из тех социальных слоев, которые были наиболее оторваны от религии. Естественно, что всякое преследование за убеждения, а в данном случае за веру, привлечет к религии еще больше людей.

Сама статья является лишь одним из проявлений общего наступления на инакомыслящих. Вы все знаете, что сейчас происходит у нас, я лишь вкратце напомню:

1) недавно арестованы два новых члена Украинской хельсинкской группы;

2) был проведен обыск у Т.С. Ходорович. На днях она была вызвана на допрос в прокуратуру;

3) идет давление – в данном случае через милицию – на членов Рабочей группы по наблюдению за выполнением Хельсинкского соглашения по культуре. Преследуют сына художника Оскара Рабина, преследуют художника Иосифа Киблицкого, казалось бы, по мелким формальным поводам. Киблицкий живет в Москве, а прописан в подмосковном г. Подольске. Милиция требует, чтоб он выехал по месту прописки. Обычно это не требуется, в данном случае это делается под давлением органов ГБ;

4) преследуют Льва Регельсона как тунеядца. Сейчас он вынужден скрываться, жить вне дома, так как, как только он появляется дома, сейчас же приходят дружинники, милиция, какие-то люди в штатском, терзают его жену.

Так же и пресса угрожающе действует.

Месяц назад Белый ТАСС заявил о том, что психическое состояние генерала Григоренко ухудшилось, якобы резко обострилась болезнь.

Рабочего Феликса Сереброва, члена Группы по наблюдению за использованием психиатрии в качестве политических репрессий, пытаются привлечь к уголовной ответственности за якобы фальшивую запись в трудовой книжке, сделанную тридцать лет назад.

Все эти наступления идут как ширь, так и вглубь. Ожесточаются обвинения против Хельсинкской группы.

Недавно Белый ТАСС обвинил Щаранского в шпионаже, в собирании шпионских сведений по заданию Лернера. Было сказано, что вся Хельсинкская группа занимается шпионажем, передавая сведения через иностранных корреспондентов.

Особой разнuzданностью отличается статья в газете "Неделя" против В. Буковского. Основная мысль статьи: Буковский ведущий диссидент-

террорист, он якобы мечтал завладеть атомной бомбой. А подтекстом проводится мысль – они все такие, все инакомыслящие – идеологические диверсанты. И из идеологических диверсантов превращаются в диверсантов реальных, из потенциальных шпионов становятся реальными шпионами.

Против лидера грузинских диссидентов Гамсахурдии выдвигаются абсурдные обвинения. Его отец, Константин Гамсахурдия, академик, национальная гордость Грузии, имел коллекцию старинного оружия. Сейчас документы на эту коллекцию выкрадены, ищутся пули к этому оружию, даже по чужим домам. Органы власти хотят представить дело так, что сам Звиад Гамсахурдия собирал это оружие для проведения террористических актов. Сейчас в Грузии прошла волна терроризма против власти, носящая явно политический характер. Проводят их группы, не относящиеся к диссидентам. Грузинские интеллигенты осуждают эти акты. Тем не менее власти пытаются связать одного из лидеров инакомыслящих с этими актами для того, чтобы в предстоящем суде вынести ему максимально жестокий приговор.

Мне хочется обратить Ваше внимание на то, что статья в "Литгазете" подтверждает эскалацию лжи и клеветы в советской прессе, направленную против инакомыслящих. Уровень лжи и клеветы достиг уровня тридцатых годов. Общая атмосфера начинает угрожающе напоминать эти страшные годы.

Перейдем к разбору самой статьи. Главные "герои" этой статьи: Лев Регельсон и Александр Огородников – православные христиане и два православных священника – Дмитрий Лудко и Глеб Якунин.

То, что в статье идет речь о Регельсоне и Якунине, – не удивляет. Мы давно занимаемся диссидентской деятельностью, у меня "стаж" этой "работы" 12 лет, и то, что о нас в прессе пишут ругательно, вписывается в общее русло гонения на диссидентов.

То, что обрушилось на известного православного пастыря и проповедника отца Дмитрия Лудко и на организатора молодежных религиозных семинаров Огородникова, – явление с первого взгляда непонятное.

Отец Дмитрий занимается исключительно религиозной деятельностью, окормляет множество своих духовных чад. Вся его деятельность происходит на виду у множества верующего народа, проповеди его известны во всем мире, и все могут увидеть, что его проповеди не несут антисоветского содержания. Темы занятий семинаров Огородникова также были религиозно-богословского содержания.

Чем же прогневали о. Дмитрия и Огородникова властей?

Ключом понимания этого может служить положение православной Церкви в нашей стране.

Согласно Сов. Конституции и Законодательству о религии от 1919 г., власти признают религию в нашей стране лишь как отправление религиозного культа.

Иностранцам не понятно это слово "отправление", тонкость его звучания. Само слово у русских людей ассоциируется чаще всего с сочетанием "отправление естественных надобностей", т. е. если человеку нужно схо-

дить помочиться, то официально ему можно сказать "иди отправь свои естественные надобности". Формулировка эта Ленинская. Ленин был фанатичным атеистом, в Декрете о религии его рукой написаны эти слова. Но подобное словосочетание встречалось еще у Маркса. В "Критике Готской программы" Маркс пишет: "Каждый должен иметь возможность отправлять свои религиозные, так же как и телесные, нужды без того, чтоб полиция совала в это дело свой нос". Всякая же религиозная жизнь, выходящая за рамки отправления религиозного культа, преследуется государством.

О. Дим. Дудко как истинный пастырь привлекает много молодежи, обращает к Богу, приводит в Церковь неверующих. Слово его вышло за рамки здания храма и звучит повсюду. Это возрождает религию в народе. Это и пугает власть.

Если у баптистов, пятидесятников, адвентистов такая деятельность, выходящая за рамки отправления культов, – явление обычное, то для теперешней православной Церкви деятельность о. Димитрия – явление исключительное.

В связи с общим кризисом официальной советской идеологии в последнее время возрос интерес к религии. То злобное чувство к Церкви, которое наблюдалось в двадцатые годы в народе, сейчас исчезло. Свидетельствовать об этом может и то количество народа, которое в этом году пришло в церкви на Пасху.

В этом году в магазинах была резко уменьшена продажа пасхальных куличей, что не помешало народу прийти для освящения их в Церкви в гораздо большем количестве, чем в предыдущие годы. По моим приблизительным подсчетам, которые я мог произвести, в этом году на Пасху и на Радоницу – день поминовения усопших – было на 25% народа больше, чем в предыдущие годы.

Власти с большим вниманием следят за статистическими данными из церковной жизни – за количеством поданных просфор, поданных свечей. Все эти данные сообщаются в местные органы власти. И вот этот рост статистических данных вызывает усиление антирелигиозной пропаганды и антицерковной деятельности.

Так вот, вся деятельность о. Димитрия и богословские семинары Огородникова самым эффективным образом способствуют росту христиан в православной Церкви.

Если у баптистов, адвентистов, пятидесятников идет приток в сотнях и тысячах людей, то приток в православную Церковь может измеряться сотнями тысяч, т. е. процесс может быть массовым. И власти боятся этого.

Поэтому так болезненно они относятся и к исканиям молодежи, в данном случае это олицетворяют семинары Огородникова, и к пастырской деятельности о. Димитрия. Этим и объясняется такая неадекватная реакция на их в общем-то законную деятельность, для властей они – символ растущей и возрождающейся русской православной Церкви в нашей стране.

Я хочу обратить ваше внимание на одно обвинение в адрес отца Димитрия. В газете сказано, будто он совершает у себя на дому крещение. Для человека, живущего на Западе, опасность такого обвинения непонятна. Но согласно советскому законодательству отправление религиозного культа не разрешено без строгого контроля со стороны органов власти. Лишь для умирающих и тяжело больных можно совершать обряды на дому, с предварительной регистрацией их в церкви.

В отношении же крещения положение в церквях вообще очень тяжелое. Казалось бы, зачем вообще креститься на дому – приходи в церковь сам, если ты взрослый, или приноси младенцев. Но, согласно положению, крещение производится только по предъявлении документов крещаемых, а затем крещаемые взрослые или крестящие детей родители подвергаются преследованию по месту работы и учебы, особенно комсомольцы, члены партии, педагоги. Поэтому люди стараются обойтись без регистрации крещения. Обвинение же отца Димитрия в совершении крещений на дому может повести за собой обвинение в нарушении советского закона, в лишении регистрации и даже привлечение его к суду по ст. 142 УК РСФСР...

Заявление И. Шафаревича

Статья в "Литературной газете" является, конечно, удивительным образцом клеветы, который вряд ли когда-либо удастся превзойти. Но человеку, не привычному к особенностям нашей жизни, вероятно, трудно понять, почему ей придают такое значение. Дело, однако, в том, что ее нельзя рассматривать лишь как произведение искусства клеветы, каким бы шедевром в этом жанре она ни являлась. Скорее ее можно сравнить с анонимным письмом, содержащим угрозу убийства. Я приведу один пример.

В XIX и начале XX в. в России расцвела блестящая школа религиозной философии. Но к началу 30-х гг. только один из ее главных представителей сохранился в стране – о. П. Флоренский. Это был универсальный гений, которому принадлежат совершенно новые идеи не только в богословии и философии, но и в теории искусства, и в технике (как теперь бы сказали, в кибернетике). В 1933 г. в одном из советских журналов появилась статья "Против новейших откровений буржуазного мракобесия". Автором ее был Эрнст Кольман – тогда весьма влиятельная фигура (недавно на короткое время он снова стал известен в связи с тем, что эмигрировал, возвратил свой партийный билет и заявил, что идеалы социализма, за которые он боролся, оказались в нашей стране извращенными). Но тогда он не находил противоречия между своими идеалами и делами. В статье он напоминал "анализ т. Сталина", "согласно которому классовая борьба разгорается". О. Флоренского он называет "дипломированным лакеем поповщины" и "нарядившимся в ученую тогу классовым врагом", призывает к усилению революционной бдительности. Вскоре о. Флоренский был арестован. Он погиб в лагерях около 10 лет спустя – даже точная дата его смерти неизвестна. Это был конец русской школы религиозной философии – по крайней мере до сих пор она не возродилась.

Но произошло другое, гораздо более чудесное явление – возрождение религиозной жизни в нашей стране. И против этого течения и направлена в первую очередь статья "Рощина" – как статья Кольмана была направлена против течения русской религиозной мысли. Конечно, статья "Рощина" – прямая и неприкрытая угроза по адресу о. Дудко и о. Г. Якунина; пример о. Флоренского показывает, что может означать такая статья. Но она адресована и к тысячам православных священников, большинство из которых не рискует открыто проявить свои чувства, чтобы не лишиться возможности делать то дело, к которому они призваны. Главная же ее цель – остановить процесс духовного возрождения России. Цель явно недостижимая, ибо если даже Сталин не смог уничтожить Церковь, то тем более это не под силу "Рощину" – какой бы человек или какая бы организация под этим псевдонимом ни скрывались.

И.Р. Шафаревич

ШЕСТОЙ ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ПСИХИАТРОВ

28 августа — 3 сентября 1977 г. состоялся Шестой всемирный конгресс психиатров. Многие общественные организации и частные лица апеллировали к конгрессу с призывом обсудить злоупотребления психиатрией в политических целях в СССР. Известно, что подобные призывы были направлены шесть лет назад Пятому конгрессу психиатров, но тогда эта тема не получила развития на конгрессе. Широко известно обращение Владимира Буковского Пятому конгрессу — он поплатился за это пятью годами свободы; к Пятому конгрессу психиатров обратились также Инициативная группа и Комитет прав человека — распространение последнего обращения вменялось в вину Твердохлебову, отбывающему ныне сибирскую ссылку.

За шесть лет, прошедших со времени Пятого конгресса, документированные сообщения о злоупотреблениях психиатрией в СССР получили большее общественное внимание, и в этом году конгресс психиатров рассмотрел этот вопрос и признал резолюции, предложенные американской и английской психиатрическими ассоциациями.

Здесь публикуются обращение Буковского к Шестому конгрессу психиатров и две резолюции конгресса.

Участникам конгресса Всемирной Психиатрической Ассоциации

Шесть лет назад я представил на рассмотрение Пятого конгресса ВПА документированные материалы о насильственном помещении ряда граждан СССР в психиатрические больницы по политическим причинам. Я высказал надежду, что психиатры мира не останутся равнодушны к фактам злоупотреблений их профессией — так же, как борются ученые-физики против использования достижений их науки во вред человечеству.

Не вызывает сомнения, что советские власти со страхом ожидали результатов конгресса в Мехико. Самой этой угрозы в некоторых случаях было достаточно, чтобы освободить из психиатрических тюрем ряд политзаключенных.

К сожалению, конгресс в Мехико воздержался от обсуждения случаев злоупотребления психиатрией в Советском Союзе, что в известной степени развязало руки советским властям. Возросло количество психиатрических больниц специального типа, число жертв психиатрических преследований. Метод угрожающе распространился на другие социалистические страны, а следователи КГБ стали открыто шантажировать политзаключенных угрозой психиатрической справки. Протестовавшие против всего этого люди, включая честных психиатров, таких, как Семен Глузман, подверглись преследованиям за "клевету на советскую психиатрию".

Теперь, после шести лет непрерывных усилий общественных групп и психиатров различных стран, всякий в СССР, чье имя достаточно известно на Западе, приобретает "психиатрический иммунитет". Власти изо всех сил стараются скрыть советские злоупотребления психиатрией. Однако сотни безымянных жертв продолжают подвергаться принудительному лечению. По-прежнему остаются в психиатрических тюрьмах Микола Плахотнюк, Зиновий Красивский, Юрий Белов, Анатолий Лупинос, Валиахмед Тимохин, Борис Евдокимов, Виктор Рафальский. Десятки новых имен выявлены Рабочей комиссией по психиатрии при московской Группе "Хельсинки". Эта комиссия подвергается сейчас интенсивным преследованиям. Молодому медику Александру Подрабинеку, чья книга "Карательная медицина" о советских психиатрических злоупотреблениях только что получена на Западе, сейчас грозит судьба доктора Глузмана – десятилетнее лишение свободы. Члену комиссии Феликсу Сереброву также угрожали репрессиями. Секретарь комиссии Ирина Капун на грани исключения из института. Генерал Григоренко подвергается постоянным преследованиям.

Все это может быть пресечено только недвусмысленным международным осуждением советской практики злоупотребления психиатрией в политических целях.

От вашей позиции в Гонолулу будет зависеть судьба сотен людей, в конечном итоге – судьба советской психиатрии.

9 августа 1977 г.

Владимир Буковский

Резолюция конгресса, предложенная Американской психиатрической ассоциацией

Всемирная Психиатрическая Ассоциация выступает против злоупотребления где бы то ни было психиатрическими навыками, знаниями и учреждениями для подавления инакомыслия и намерена создать Комиссию по расследованию злоупотребления психиатрией для рассмотрения в всех, официально адресованных Президенту ВПА заявлений и жалоб о злоупотреблении психиатрией в политических целях и при наличии соответствующей информации может: 1) провести расследование утверждений о нарушениях политики ВПА, касающейся злоупотребления психиатрией, путем запрашивания дополнительной информации в письменной форме и/или свидетельских показаний из всех необходимых источников и/или путем

поездок на место нарушения; 2) рекомендовать, чтобы для исправления положения были предприняты шаги, которые сочтет необходимыми Исполнительный Комитет ВПА.

Члены Комиссии будут назначаться Президентом и утверждаться Исполнительным Комитетом. Далее, Комиссии по расследованию злоупотребления психиатрией поручается проводить свои заседания таким образом, чтобы на них могли присутствовать, в соответствии с нормами справедливости и равноправия, представители психиатрических обществ – членов ВПА из той страны, где, как утверждают, имело место нарушение (или нарушения).

ВПА намерена создать специальный фонд, который будет получать пожертвования от частных лиц и организаций, исключительно для финансирования деятельности Комиссии по расследованию злоупотребления психиатрией. Все расходы из средств фонда должны быть предварительно утверждены Исполнительным Комитетом ВПА и соответствовать общей политике ВПА в отношении расходования средств.

Резолюция конгресса, внесенная английским Королевским Колледжем Психиатров

Всемирная Психиатрическая Ассоциация обращает внимание на обширные данные о систематическом злоупотреблении психиатрией в политических целях, имеющем место в СССР, и резко осуждает такую практику, как уже сделали английский Королевский Колледж Психиатров и другие организации.

ДОКУМЕНТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Документы по делам о признании договора купли-продажи дома недействительным

Здесь публикуется подборка очень типичных документов, свидетельствующих о том, как крымским татарам препятствуют в их попытках поселиться в Крыму.

МВД УССР
15/IX-75

Копия: Гр. Селимову А.
с. Красногвардейское
Председателю Советского райисполкома
тов. Пасюте В.О.

На Ваше письмо по вопросу прописки в доме, который Вы занимаете, разъясняем, что прописка граждан производится при наличии жилплощади. Так как договор купли-продажи на дом, занимаемый Вами, не оформлен в установленном законом порядке, вопрос о прописке Вашей семьи не может быть решен положительно.

Начальник Советского РОВД
майор милиции
А. Побережнюк

* * *

В НАРОДНЫЙ СУД СОВЕТСКОГО РАЙОНА КРЫМСКОЙ ОБЛАСТИ

ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

(В порядке ст. 118 ГПК УССР)

прокурора Советского района к
Ангелюк Юрию Ивановичу
Селимову Алиму
о признании договора купли-продажи
жилого дома недействительным.

В июле 1975 года житель села Красногвардейское Советского района Ангелюк Ю.И. по договору купли-продажи продал жилой дом гр-ну Селимову Али за 4.500 рублей.

Сделку купли-продажи гр-не Ангелюк Ю.И. и Селимов Али в нотариальном порядке надлежащим образом не оформили, право собственности на дом переоформлено не было, поэтому сделка недействительна.

При совершении сделки купли-продажи жилого дома гр-не Ангелюк и Селимов нарушили ст. 227 ГК УССР.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 48 ГК УССР, —

ПРОШУ:

1. Сделку купли-продажи жилого дома в с. Красногвардейское Советского района между Селимовым и Ангелюк признать недействительной, как несоответствующей требованиям закона.

2. В судебное заседание прошу вызвать:

- а) ответчиков: Ангелюк Ю.И., Селимова Али, прож. с. Красногвардейское;
- б) свидетелей: Косован Николай Михайлович, Исмаилов Сервер, прож. там же.

О дне слушания прошу уведомить прокурора района.

Приложение: копия договора, объяснение Селимова Али, копии исковых заявлений для ответчиков.

Прокурор Советского района
юрис I класса
В.Б. Высоцкий

* * *

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ УКРАИНСКОЙ ССР*

Справа № 2-385 1976 г.

РЕШЕНИЕ

**ИМЕНЕМ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ**

15 декабря 1976 г.

Первомайского р/на

Крымской области

в составе: председателя — народного судьи Забара Г.Я.
народных заседателей: Белой
Годьлло
при секретаре Дербеневой
с участием прокурора Дудченко
и адвоката

рассмотрев в открытом судебном заседании в селе Первомайское дело по заявлению прокурора района в интересах государства и Дытюк Николая Ивановича и Харчих Энвера о признании сделки недействительной,

УСТАНОВИЛ

прокурор предъявил иск к ответчикам о признании сделки купли-продажи жилого дома находящегося в с. Войково за 2500 руб. недействительной, т. к. ответчики нарушили требования ст. 227 ГК УССР — нотариально не удостоверив договор купли-продажи дома.

Ответчики иск не признали считают, что поступили правильно, т. к. им отказали в удостоверении договора.

Суд считает, что иск подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Ответчики 25 октября 1976 года заключили между собой договор купли-продажи жилого дома находящегося в с. Войково Первомайского

* Документ исполнен по-русски на украинском бланке.

района за 2500 рублей, однако в нарушении ст. 227 ГК УССР данный договор нотариально не удостоверили, т. е. данный договор в соответствии со ст. 47 ГК УССР является недействительным.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 15, 30, 62, 203, 209 ГК УССР, ст. 47, 227 ГК УССР, суд

РЕШИЛ :

сделку купли-продажи жилого дома, находящегося в с. Войково Первомайского р/на Крымской области заключенного между Дыгюк Николаем Ивановичем и Харчих Энвером признать недействительной возратить стороны в первоначальное положение: обязать Дыгюк Н.И. возратить Харчих Э. деньги в сумме 2500 руб., а Харчих Э. – Дыгюк Н.И. жилой дом.

Взыскать госпошину с ответчиков в доход государства по 75 руб. с каждого.

Решение может быть обжаловано в Крымский областной суд в течение 10 дней.

Пред-щий подпись
Нарзаседатели подписи
Копия верна: секретарь
нарсудья

* * *

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

14/1-1976 г.

125 866 ГСП, Москва А-47, ул. "Правды"

24, 6-й этаж. Тел. 253-30-56

При ответе ссылайтесь на наш № 131617 обязательно

Крым, Советский район
с. Красногвардейское, ул. Полевая, 67
Шевкию Селимову

Получили Ваше письмо. Редакция не правомочна решать затронутые вопросы. Следует обращаться в местные органы. Прежде, чем покупать дом, надо было обратиться по поводу прописки, а без разрешения на прописку нельзя оформлять дом.

Корреспондент отдела писем
Т. Коробова

* * *

МВД УССР

23/1-76

С – 5

Гр. Селимову, с. Красногвардейское

Копия: Председателю Советского райисполкома тов. Пасюте В.О.

На Ваше заявление по вопросу прописки Советский РОВД разъясняет, что прописка граждан в районе производится при наличии жилплощади.

Дом, занимаемый Вами, принадлежит семье Ангелюк, в связи с чем вопрос о прописке в этот дом Вашей семьи не может быть решен положительно.

Приложение: наш вх. С-5 во 2-й адрес.

Начальник Советского РОВД
(А.Н. Побережнюк)

Кассационная жалоба Джемилева

Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 3-го Джемилева Мустафы, 1943 г. р., осужденного по ст. 190-1 УК РСФСР к 2 г. 6 мес. лишения свободы

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

Коллегия по уголовным делам Омского облсуда под председательством Аносова, рассмотрев мое дело 14-15 апреля 1976 г., признала меня виновным в нарушении ст. 190-1 УК РСФСР и приговорила к 2 г. 6 мес. лишения свободы с содержанием в колонии строгого режима.

Коллегия сочла доказанным, что я, отбывая срок лишения свободы в ИТК-3 г. Омска, составлял документы, содержащие заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а также распространял подобные измышления в устной форме.

Материалами для обвинения в составлении документов послужили несколько изъятых у меня обрывков бумаг с черновыми записями, а также личное письмо на имя своего товарища, в которых затрагивались некоторые аспекты крымско-татарского национального вопроса.

Изъятые обрывки бумаг не представляли из себя какие-либо законченные документы, тексты в них были исполнены на языках и в форме, исключающей возможность даже случайного ознакомления с их содержанием посторонних. Поэтому осуждение за написание этих текстов равносильно осуждению за еще не высказанные личные взгляды и убеждения. Кроме того, ни в одной из этих записей и ни в письме не содержится каких-либо измышлений, порочащих советский строй.

Несмотря на то что упомянутые записи и личное письмо по вышеизложенным мотивам не могли быть, на мой взгляд, предметом судебного разбирательства, на суде я не уклонялся от дачи пояснений по затронутым в этих записях и письме вопросам.

Наоборот, я настаивал на том, чтобы суд в законном порядке проверил достоверность и правдивость суждений, которые обвинение считает клеветническими, и предложил список свидетелей, которые могли бы дать показания по затронутым вопросам. Но мои пояснения неоднократно прерывались председательствующим под предлогом, что я веду в суде недозволенную пропаганду, а мои ходатайства о вызове свидетелей были отклонены совершенно необоснованными и необсужденными доводами.

Так, в обвинительном заключении приводится фраза из одной записи, где говорится, что нынешнее поколение крымских татар не имеет возможности изучать свой родной язык и познавать свою национальную культуру, и утверждается, что эта фраза является злобной клеветой на национальную политику советского государства. Я уведомил суд, что действительно со времени выселения крымских татар из Крыма, т. е. с 1944 года, не существует ни одной крымско-татарской школы, и попросил суд проверить это, допросив в качестве свидетелей нескольких перечис-

ленных мной представителей крымско-татарской интеллигенции. Суд отклонил это ходатайство, мотивируя тем, что граждане, которых я прошу допросить в качестве свидетелей, являются доцентами и кандидатами наук и это уже само по себе свидетельствует о том, что утверждение подсудимого о состоянии просвещения и культуры крымских татар является клеветническим. Полагаю, что нет необходимости комментировать отклонения ходатайства.

Не более обоснованным был и мотив отклонения моего ходатайства о допросе свидетелей по поводу утверждения обвинения об отсутствии дискриминации крымских татар в вопросе прописки и трудоустройства в Крыму. Отклонение ходатайства было мотивировано тем, что некоторые указанные в списке свидетели являются крымскими татарами, проживающими на территории Крымского полуострова, а это, мол, уже является достаточным свидетельством того, что утверждение о дискриминации является клеветническим.

Между тем, например, указанному в списке свидетелей Шабанову Эльдару, проживающему в Крыму, пришлось добиваться прописки около 5 лет, в течение которых он вместе с семьей неоднократно подвергался со стороны администрации Крымской области насильственным выдворениям за пределы Крыма и иным репрессиям; семье другого свидетеля, Сейтванова Эбазера – сына офицера, участника обороны Севастополя, пришлось добиваться прописки у себя на родине более двух лет; свидетельнице Красюковой Александре, проживающей в с. Мазанка Симферопольского района (ул. Садовая, 68), русской по национальности, обещали прописку только в том случае, если она разведется с мужем – Османовым Джафером – крымским татаринцом; а многие тысячи крымских татар, прибывших в Крым*, были вновь вынуждены покинуть свою родину, т. к. им было отказано в прописке, или же были вывезены за пределы Крыма насильственно. В то же время форсированным темпом осуществляется переселение в Крым граждан других национальностей из областей Украины и РСФСР.

Но суд не выразил желания проверить достоверность этой информации и не пересмотрел свое постановление об отклонении моего ходатайства допросить по этому поводу свидетелей. Председательствующий ограничился совершенно неуместным замечанием, что в Омске нелегко прописаться.

Таким образом, изъятые черновые записи и личное письмо были признаны судом документами, содержащими клеветнические измышления против советского строя, без всякой проверки достоверности и правдивости их текстов.

Обвинение в распространении сведений, порочащих советский строй, в устной форме основывалось на показаниях одного свидетеля – заключенного ИТК-3 Дворянского Владимира. В его "заявлениях", "объяснениях" и показаниях на предварительном следствии утверждалось, что будто я говорил ему различные измышления, порочащие советский строй, в частности в искаженном виде рязъяснял проблему крымских

* После Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г.

татар, и что якобы под моим влиянием он начал вести записи, в которых также содержались клеветнические измышления в адрес советского строя.

На судебном процессе Дворянский полностью отказался от этих показаний и пояснил, что имеющиеся в деле "объяснения", "заявления" и "показания" были составлены сотрудниками КГБ, оперработниками колонии и следователями, которые заставили его переписать и расписаться в них под угрозой возбуждения против него нового дела по ст. 70 и 190-1 УК РСФСР и даже угрозой физической расправы. За активное же сотрудничество с органами в фабрикации "дела" против меня ему обещали различные льготы и досрочное освобождение. Дворянский в своих показаниях в суде назвал конкретных лиц, принимавших участие в этой провокационной кампании – сотрудника КГБ при СМ Уз.ССР, специально прибывшего из Ташкента для осуществления этой "операции", оперработников ИТК-3.

Но вместо того чтобы принять меры к расследованию этого вопиющего факта произвола, председательствующий Аносов и прокурор Колуцкий обрушились на Дворянского с угрозами, пытаясь вынудить его отказаться от этих показаний и заставить подтвердить "показания", полученные от него на предварительном следствии недозволенными методами. Однако, несмотря на угрозы, Дворянский вновь повторил, что никаких измышлений, порочащих советский строй, я ему не сообщал и что записи с критическими высказываниями в адрес советского руководства он вел и до знакомства со мной, еще будучи в Барнаульской тюрьме.

Тем не менее в приговоре утверждается, что показания Дворянского в ходе предварительного расследования "объективно отражали" совершенные мной действия, а его показания в суде являются ложными. При такой произвольной оценке доказательств невольно напрашивается вопрос: зачем же тогда нужен был судебный процесс, если независимо от данных, выявленных в суде, основное значение имеют протоколы и иные документы предварительного следствия?

В приговоре утверждается, что будто Дворянский, отвечая на вопросы суда, адвоката и мои вопросы, вынужден был подтвердить отдельные тезисы из показаний, данных в ходе расследования. Это утверждение является голословным, во всяком случае в вопросах, касающихся сути обвинения, абсолютно никаких "подтверждений отдельных тезисов" Дворянским сделано не было.

Далее в приговоре говорится: "Утверждения подсудимого о том, что Дворянский показания давал вынужденно, а когда отказался, его 16 мая 1975 года направили в изолятор, – надуманно. В деле (л. д. 12) имеется заявление Дворянского от 15 мая 1975 г. на имя начальника колонии о том, что Джемилев распространяет ложные измышления, поэтому на другой день по этой причине подвергать Дворянского репрессиям не было оснований".

Во-первых, это не мои утверждения, а показания самого Дворянского. Я только спросил Дворянского в суде, за что его 16 мая водворили в изо-

лятор, потому что я собственными глазами видел, как его в этот день надзиратели вели в штрафной изолятор. Это видели и около десятка других заключенных. Дворянский ответил, что причиной было его нежелание подписать "заявление" против меня. Это касается рассуждений о том, были или не были основания подвергать репрессиям, поскольку он 15 мая уже написал заявление против меня, но сам Дворянский пояснил, что 16 мая в штрафном изоляторе он вынужден был переписать и подписать несколько "заявлений" и "объяснений" и не уверен, что все были датированы 16-м мая; а во-вторых, его водворяли в изолятор как до 16 мая, так и после. Далее Дворянский говорил, что водворение в изолятор не было единственным средством вынудить его к даче заведомо ложных показаний. Так, сотрудник КГБ, прибывший из Ташкента, показывал ему фотографии его отца и дочери и говорил, что он их, может, больше никогда не увидит, если не будет делать того, что ему велят.

Все эти показания Дворянского прерывались окриками и замечаниями председательствующего, что это неправда, требованиями, чтобы он говорил показания, имеющиеся в деле. Суд не предпринял попытки расследовать заявление Дворянского о том, что еще вчера, т. е. за день до суда, к нему в лагерь вновь наведывались сотрудники КГБ и инструктировали его, как вести себя и какие давать показания в суде.

В приговоре говорится: "В судебном заседании Джемилев полностью юдтвердил показания Дворянского, данные им в ходе расследования, хотя слышал, что Дворянский от них отказался по изложенным выше мотивам".

Это абсолютно лживое утверждение противоречит даже последующим утверждениям приговора по этому вопросу. Наоборот, я говорил, что Дворянский – не единственный заключенный, у которого органы пытались незаконными средствами получить заведомо ложные показания против меня. В частности, я ходатайствовал допросить в суде другого заключенного ИТК-3 Кица Н.Ф., которому во время его допроса 27 мая 1975 г. сотрудники Омского КГБ и оперуполномоченный ИТК-3 ст. лейтенант Кучеренко также предлагали досрочное освобождение, если он подпишет показания о том, что будто я говорил ему измышления, порочащие советский строй. Но и это мое ходатайство было отклонено. Суд отклонил необоснованно также мое ходатайство о допросе заключенного Сергеева Г.И., который мог бы разоблачить лживость показаний бывшего заключенного, ныне освобожденного досрочно с направлением в колонию-поселение Соколова и также сообщить о незаконных действиях оперработников ИТК-3 по сбору "показаний" против меня.

Суд необоснованно отклонил ходатайства мое и адвоката Швейского о приобщении записей Дворянского, которые он вел в Барнаульской тюрьме, т. е. до знакомства со мной, и которые упоминаются в постановлении следователя Конова от 18 ноября 1975 года об изъятии из дела записей В. Дворянского "как не имеющих значения для дела" (т. 2 л.д. 65). Эти записи, в которых, по словам Дворянского, заявленным в суде, содержатся критические замечания в адрес советского руководства,

опровергают утверждение Соколова о том, что Дворянский лишь после знакомства со мной стал интересоваться политическими вопросами и допускать критические высказывания. Свой отказ приобщить записи Дворянского суд мотивировал тем, что слушается дело против Джемилева, а не против Дворянского, хотя релевантность этих записей к настоящему делу вполне очевидна.

Подобная пристрастность суда, возможно, в некоторой степени объясняется откровенными шовинистическими взглядами председателя Омского облсуда Аносова, председательствовавшего на этом процессе, в крымско-татарском национальном вопросе, который, естественно, затрагивался в ходе судебного разбирательства. Так, например, когда в моих пояснениях в связи с изъятыми у меня записями был упомянут факт поголовного выселения крымских татар из Крыма в мае 1944 г., Аносов задал вопрос провокационный: "А какие действия крымских татар послужили причиной их выселения?" и сам начал рассуждать о том, что если бы крымские татары ничего не совершили, то их бы не выслали. Это вызвало со стороны адвоката Швейского замечание, что председательствующий своим вопросом и высказываниями подвергает ревизии Указ Верховного Совета СССР о реабилитации крымских татар.

Не соответствует действительности также утверждение во вводной части приговора о том, что дело слушалось в открытом судебном заседании. В действительности процесс был закрытым. Из 15-20 моих родных и близких, прибывших в Омск на процесс из Узбекистана и других отдаленных местностей, в зал суда строго по документам были впущены только четверо моих прямых родственников, но и они по малейшему поводу выводились председательствующим из зала, и к концу процесса в зале остался лишь один мой родственник. Остальные родственники не были впущены даже при оглашении приговора, несмотря на то что, согласно закону, приговор оглашается публично и на закрытых судебных процессах. Под угрозой быть выведенными из зала моим родственникам было запрещено вести записи хода процесса. Зал суда был заполнен военными, а также сотрудниками КГБ и Управления внутренних дел в штатском, которых впускали по специальным пропускам.

Нарушение принципа гласности судопроизводства, игнорирование основных процессуальных норм свидетельствовали о том, что приговор по делу был вынесен еще до начала судебного процесса.

Считаю, что приговор неправоисуден и подлежит отмене.

Прошу принять эффективные меры для предотвращения возможных произвольных акций и репрессий органов в отношении свидетеля – заключенного ИТК-3 г. Омска Дворянского Владимира. В своей обвинительной речи прокурор Колуцкий говорил о необходимости возбудить против него новое уголовное дело по обвинению в даче заведомо ложных показаний. Осуществление этой угрозы будет означать новое откровенное беззаконие.

25 апреля 1976 года.

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ СССР

О проекте Конституции СССР

В Политбюро ЦК КПСС

В связи с постановкой на всенародное обсуждение проекта новой Конституции считаем необходимым обратить Ваше внимание на следующее:

1. Условия, в которых обсуждается проект Конституции

Юридически власть в СССР принадлежит народу. Следовательно, до народа должны дойти все суждения о проекте Конституции, в том числе и суждения тех, кто считает данный проект недостаточным, частично или полностью ошибочным или даже вовсе неприемлемым.

Между тем, условия, в которых происходит обсуждение, практически лишают граждан возможности открыто высказать свое мнение по поводу проекта.

Традиция, согласно которой документы, одобренные партийным и государственным руководством, не *обсуждаются*, а лишь *одобряются*, на этот раз превзошла самое себя. Единодушное одобрение проекта началось *за десять дней до его опубликования*. В течение почти месяца газетные полосы, теле- и радиопрограммы заполняются безудержными восторгами. Не опубликовано никакой попытки анализа, ни одного серьезного, делового, критического замечания, ни одного возражения.

Такие замечания и возражения у советских граждан есть. Но где они могут их высказать? И многие ли решатся высказать их вслух, если проект разработан под руководством самого Генерального Секретаря ЦК КПСС, одобрен Центральным Комитетом и Президиумом Верховного Совета СССР, если опубликованию его предшествуют фанфары, а самое принятие Конституции приурочено к 60-летию Октября – и, следовательно, рассматривается как юбилейное мероприятие?

К этому следует добавить, что, как и в 1936 году, обсуждение проекта Конституции идет под аккомпанемент инспирированной госбезопасностью кампании репрессий, сопровождается арестами и фальсификацией "уголовных" дел (разница пока только в масштабе репрессий). Так многие ли рискнут открыто высказаться по принципиальным вопросам нашего государственного устройства, если в тюрьму легко угодить даже за критику частных пороков общественной жизни?

Следовательно, если вы хотите придать обсуждению действительно деловой, конструктивный характер, если вы на самом деле хотите знать, что

думает народ, и получить полезные для народа результаты, вы прежде всего должны срочно принять меру, чтобы обеспечить подлинно *свободное обсуждение проекта Конституции*.

2. *Нужно ли заменять Конституцию 1936 года?*

В докладе Л.И. Брежнева на майском пленуме ЦК КПСС утверждалось, что новая Конституция потребовалась потому, что "за четыре десятилетия в стране нашей, во всем нашем обществе произошли глубокие изменения" ("неузнаваемо изменилась экономика страны", "иным стал и социальный облик общества", "изменилось международное положение СССР").

Обоснование, скажем прямо, не очень убедительное. Так, Билл о правах принят английским парламентом около 300 лет назад. За эти триста лет Англия разделалась с феодализмом, прошла через промышленную революцию, превратилась в мировую колониальную империю, каковая на наших глазах распалась, — а Билл о правах продолжает служить основой английской политической и общественной жизни.

Английское королевство с его приверженностью к традициям, подчас и устаревшим, нам, положим, не пример. Глубокие социальные изменения в обществе могут действительно требовать новой Конституции, как потребовалась она в 1918 году. Но какие *качественные* изменения произошли в социальных отношениях внутри СССР за эти 40 лет?

Практически — никаких. Поэтому, кстати говоря, и характеристика экономической и политической системы СССР в проекте ничем существенным не отличается от аналогичной характеристики в действующей Конституции (разве что государство наше, в Конституции 1936 года имевшееся "социалистическим государством рабочих и крестьян", в проекте переименовано в "общенародное государство").

Так нужна ли новая Конституция?

Да, нужна. Но не по тем причинам, которые назвал Л.И. Брежнев.

Новая Конституция нужна потому, что *стране необходима Конституция, действительно обеспечивающая права граждан*. Сталинская конституция, вещая о правах, ни одного реального права гражданам не давала, что доказано проводившимися под ее сенью массовыми репрессиями. Она для того и была принята, чтобы служить рекламным щитом, так была составлена, да к тому же соответственно заблокирована статьями Уголовного кодекса. В результате государство, диктатор могли творить все что угодно, совершенно не считаясь с Конституцией. Ею размахивали в торжественных случаях, ее показывали иностранцам, в практической же жизни эта Конституция не действовала *ни одного дня*. Так, например, с 1936 г. до сего дня граждане СССР ни одного дня не пользовались дарованной им якобы сталинской Конституцией свободой слова и печати, ибо не было ни одного дня, когда были бы отменены предварительная цензура и уголовное преследование за негодные властям высказывания.

Следовательно, новая Конституция нужна. Нужна как *действующая* Конституция, ясно и безоговорочно защищающая права граждан, действительно гарантирующая им демократические свободы и защищающая их от произвола бюрократического государства.

Скажем сразу: проект новой Конституции требованиям этим не отвечает.

3. *Коренные пороки проекта Конституции СССР*

Мы понимаем, что выработать Конституцию, удовлетворяющую всех, — практически невозможно. Но одно дело недовольство отдельных граждан или даже значительных групп населения теми или иными положениями Конституции, другое — коренные пороки самого принципа составления проекта, лишаящие предлагаемый документ конституционного характера.

Таких коренных пороков в обсуждаемом проекте — три.

1. Агитационный характер проекта.
2. Смешение Конституции с партийной программой.
3. Неясность, запутанность формулировок, исключаящая единообразное толкование.

Рассмотрим эти пороки подробнее.

1) Проект Конституции, как можно понять из внимательного его изучения, стремится узаконить ныне существующее в государстве положение. Авторы проекта поэтому постарались представить данное положение наиболее привлекательным, для чего отрицательные стороны нашего бытия (наличие которых хорошо знают сами законодатели) замалчиваются или затушевываются, положительные (или кажущиеся таковыми) — односторонне выпячиваются. Такая ретушь Основного закона государства опасна для общества; она мешает гражданам ясно видеть реальность, мешает им сознательно участвовать в развитии общества. Короче говоря, агитация и реклама не должны присутствовать в проекте Конституции — для этого есть другая литература.

2) Второй порок вытекает из первого: желая сделать новую Конституцию "понаряднее", составители спутали Конституцию с программой партии. Как известно, программа партии принимается (во всяком случае — по замыслу) только людьми, ее признающими. Конституция же пишется для всех граждан страны, а не только для членов коммунистической партии. И нельзя не считаться с той реальностью, что для многих из них декларируемые партийно-политические цели не являются привлекательными или даже приемлемыми.

Так, во вводной части записано: "Высшая цель советского государства — построение бесклассового коммунистического общества". Это — не конституционный тезис, он — из программы КПСС, где вполне уместен в качестве цели, осуществления которой добиваются члены КПСС. Но включать его в Конституцию и на основе закона принудить к строительству определенного идеологического строя людей, не верящих в него, — этого никакая демократия допустить не может. При этом особо неприемлемое положение создается для верующих. В силу своих убеждений они не могут участвовать в создании заведомо атеистического общества, следовательно, у них останется только одна возможность — отказ от гражданства. А ведь верующих десятки миллионов.

3) Этот пункт придется рассмотреть более подробно и на примере многих статей. Путаница, противоречия начинаются с первых же статей.

Так, в ст. 2 утверждается: "Вся власть в СССР принадлежит народу". А в ст. 6 говорится: "*Руководящей* и направляющей силой советского общества, *ядром* его политической системы... является Коммунистическая партия Советского Союза". Она "*определяет* генеральную перспективу развития общества, *линию внутренней и внешней* политики СССР, *руководит* великой созидательной деятельностью советского народа..." (курсив везде наш). Что же остается после этого от власти народа?

Статья 6-я фиксирует реальное, существующее в стране положение: власть принадлежит не народу и не его выборным органам, а партии, точнее – Политбюро ЦК КПСС. А статья 2-я провозглашается для косметики, для агитации, для рекламы.

Требую ясности, мы ю существу требуем только одного: сказать в проекте Конституции правду. Если в стране узаконена верховная власть Политбюро ЦК КПСС, пусть так и будет сказано в Конституции, без всякой попытки прикрасить "партократический" характер власти ссылкой на "власть народа". В мире есть монархии, единоличные диктатуры, теократические государства – почему бы не быть государству, верховной властью которого является группа партийных лидеров? Не надо только называть это демократией.

Истинная структура власти в СССР и способы ее формирования нарочито маскируются. В проекте мы видим на всех уровнях власть "без головы", т. е. без партийных органов, которые как раз и составляют "голову" власти. Всем советским гражданам известно, что кандидатов в депутаты Советов подбирают партийные органы – и что поэтому "право выдвигать кандидатов в депутаты", предоставляемое не только организациям КПСС, но и другим организациям и коллективам трудящихся, – фикция. Этим и объясняется не объясняемый Конституцией феномен: во всех избирательных округах выдвигается только один кандидат, и за него всегда голосуют все 99, 99 или 99,97% избирателей.

И опять же: если гражданам предоставлено только право "одобрять", а депутатов в Советы избирает компартия – пусть так и будет сказано в проекте Конституции. А уж граждане будут решать, одобряют они такую Конституцию или нет.

Декларативность, многословие, двусмысленность, агитационный ложный пафос особенно заметны в главе 7-ой – "Основные права, свободы и обязанности граждан".

Защищать приходится только те права, на которые покушаются. Никому никогда не приходило в голову записывать в какую-нибудь конституцию право человека дышать, пить воду, смотреть на небо и т. д. Это не значит, что человек всегда имеет *возможность* дышать или смотреть на небо, но на его *право* делать это никто никогда не покушался.

Уже много лет назад провозглашено, что в нашей стране нет безработицы. Возникает вопрос: от кого статья 40 проекта новой Конституции, именуемой Конституцией развитого социализма, – от кого эта статья защищает право на труд? Кто мешает нашим гражданам трудиться?

На протяжении всей истории труд был вынужденной необходимостью для необеспеченных классов общества. Революция пролетариата ставила

своей целью не право на труд защищать, а облегчить для трудящихся бремя труда и лишить эксплуататоров права жить в праздности. С Октября труд в СССР стал обязательным для всех. Что же имеет сейчас в виду статья 40? Может, отказ от принципа обязательности труда? Нет! Статья 60 той же главы подтверждает *обязательность* труда. Но если *обязательность*, то какое же *право*? Принципу обязательности, т. е. *принудительности*, труда соответствуют законы против так называемого "тунеядства".

Статья 40 имела бы какой-то смысл, если бы она включала в себя основные положения Конвенции № III Генеральной Конференции Международной организации труда, ратифицированной СССР 31/3-1961 г. и повседневно им нарушаемой. Если бы она была направлена против дискриминации по национальным, религиозным и политическим мотивам при приеме на работу, против системы "допусков", секретных характеристик, против увольнения "инакомыслящих" и других не угодных чиновничьей олигархии или не пользующихся ее доверием людей, которых изгоняют с определенных должностей и понуждают трудиться на тяжелых или низкооплачиваемых работах, нередко вдали от родных мест и в неблагоприятных климатических условиях.

Но из формулировок статьи не видно, чтобы законодатель был озабочен этим. Скорее наоборот, торжественной напыщенностью статьи и противопоставлением "права на труд" безработице в капиталистических странах пытаются прикрыть, замаскировать и принудительность труда в СССР, и дискриминацию в трудоустройстве, и довольно распространенную практику "запрета на профессии".

Право на труд по профессии ни одно общество не может гарантировать, а значит, должно компенсировать пособием по безработице. Если же право на труд предполагает любой труд, то такое право существует и в тех передовых промышленных странах, где наблюдается массовая безработица. Ни инженер, ни квалифицированный рабочий этих стран не идет на черную работу, предпочитая ей пособие по безработице. А на черную работу страна рекрутирует иностранных рабочих (Франция, например, алжирцев).

Безработица не есть нарушение права на труд. Это — обстоятельства, лишающие возможности трудиться. "Гарантированное право на труд" в СССР не означает, что работник любой профессии в любом месте может получить работу по специальности. Безработицы у нас нет, потому что граждане не могут длительное время существовать без работы, не имея сбережений и не получая пособия по безработице, они либо идут на любую работу, либо едут в любую точку страны. То время, в течение которого они в поисках работы по специальности не работают, их как безработных не учитывают. Вместе с тем они находятся под угрозой предания суду за тунеядство. Статья 40 в ее нынешней редакции служит закреплением этого бесправного положения труженика.

Право на отдых (ст. 41), на охрану здоровья (ст. 42), на жилище (ст. 44) и некоторые другие также не нуждаются в юридических гарантиях. Даже дикарям в джунглях Африки никто не запрещает строить шалаши или обращаться к знахарям. Юридических гарантий в стране, именуемой:

себя социалистической, требует соблюдение *равенства в пользовании этими правами*. А все мы отлично знаем, что такого равенства в нашей стране нет, что Конституцией не фиксируемая, но тайно узаконенная система привилегий, отраженная во множестве закрытых ведомственных инструкций, поддерживает и увековечивает это вопиющее неравенство между "элитой" и простыми людьми.

Надо либо открыто узаконить привилегии правящей верхушки и прямо сказать, что наш правящий класс – бюрократический аппарат – есть привилегированный класс ("новое дворянство"), или вместо ничего не говорящих статей 41, 42, 44 конституционно установить равные права всех граждан на жилье, медицинское обслуживание и т. п.

Статья 46 поначалу кажется просто бессмысленной, ибо кому, в самом деле, нужно конституционно закреплять право советских граждан ходить в театры, музеи, библиотеки и кино? Так же бессмысленно звучит и ст. 47 – о свободе научного, технического и художественного творчества. Если бы человек не занимался творчеством по естественному стремлению, по праву таланта, мы бы до сих пор прыгали по деревьям, цепляясь хвостами за ветви.

Однако статьи эти вовсе не бессмысленны – они служат той же маскировке. Провозглашая право пользоваться достижениями культуры и право на свободу творчества, они умалчивают о том, что наши граждане могут пользоваться только теми достижениями культуры, с которыми разрешает им знакомиться начальство, и свободой только такого творчества, которое по вкусу начальству. Пока не отменена цензура, пока существует система "спецхранов", пока вся издательская политика – в руках государства, пока требуется разрешение на устройство выставок и чтение стихов, пока "свобода творчества" ограничена условием "в соответствии с...", до тех пор ни права, ни свободы творчества и пользования культурой нет.

Статьи 48 и 49 также не имеют явного юридического смысла: ведь о праве граждан СССР "участвовать в управлении государственными и общественными делами" и вносить всяческие предложения говорится и в главе I "Политическая система", и в главе II "Экономическая система", и в главе XIII "Избирательная система". Это вовсе не вопрос о правах личности, гражданина, это – вопрос структуры всей системы. Демократична она – и не нужен специальный пункт о праве участвовать в управлении государственными и общественными делами: гражданин участвует в них, свободно выбирая своих руководителей, критикуя их, смещая их, если они не оправдают его доверия. Антидемократична она – и никакие записи не помогут: гражданин вправе критиковать, предлагать, писать заявления, а бюрократ, если и не вправе, то в силе все это положить под сукно. Для возможности реально влиять на дела управления народу прежде всего необходима свобода слова, печати, собраний, митингов, демонстраций, права на забастовки и т. д., т. е. реальная свобода волеизъявления.

Явно нет нужды в последней четверти XX века конституционно закреплять (ст. 53), что браки совершаются в СССР по добровольному согласию мужчины и женщины.

Таким образом, из 19 статей, посвященных правам и свободам граждан, *девяти* явно не место в Конституции. Но кроме них есть еще две статьи, в которых должны быть закреплены серьезные конституционные права граждан, но которые реального положения вещей не отражают.

“Статья 43. Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости”. Означает ли это, что по новой Конституции *все* граждане пенсионного возраста будут иметь это право? Сейчас пенсию по старости получают не все старики. Кроме того, есть люди, получающие 21, 16 и даже 8 рублей пенсии. Можно ли это назвать материальным обеспечением в старости?

Когда устанавливался размер пенсий, максимальная трудовая пенсия исчислялась в 120 рублей, а средний заработок рабочих и служащих равнялся, согласно данным советской статистики, 70 рублям. Сейчас средний заработок поднялся до 150 рублей, а размер максимальной пенсии по старости не увеличился. Основная масса пенсий по старости – 60-70 рублей, т. е. более чем вдвое меньше среднего заработка. В то же время привилегированные слои работников партийного и государственного аппарата на основании тех же ведомственных инструкций получают 200 и 300, а в некоторых случаях 500 и больше рублей пенсии.

Как сочается такой разрыв в пенсионном обеспечении (8, 16, 21 рубль с одной стороны и 300-500 – с другой) с социалистическими принципами?

Неравенство, система открытых привилегий пронизывает на деле все те области жизни граждан, о которых проект вещает как об обеспеченных правах граждан. Это относится и к праву на образование (ст. 45), которое тоже *не равное право*. Во-первых, существует система привилегированных школ, закрытых высших учебных заведений, облегченных требований, предъявляемых при поступлении к детям “элиты”, преимуществ, предоставляемых комсомольцам, идеологических требований, предъявляемых на экзаменах. Во-вторых, верующие, как правило, лишены возможности получить религиозное образование. В-третьих, не все имеют возможность обучаться в школе на родном языке (в частности, миллионы советских евреев, немцев и крымских татар). И, наконец, в-четвертых: студенты за малейшее проявление самостоятельности мышления, за малейшие идеологические разногласия, за критику взглядов и действий властей исключаются из вузов.

Следовательно, нужно либо дать ст. 45 в формулировках, делающих право на образование безусловным, либо в ее изложении прямо заявить, что преимущественное право на образование имеют дети привилегированного слоя общества, а инакомыслящие вообще лишаются права на образование.

Теперь перейдем к свободам и правам, на которые всегда посягала государственная власть и которые народы отстаивали в жестокой борьбе. В борьбе этой на протяжении всей истории гибли лучшие сыны человечества. Речь идет о перечисленных в ст. 50 проекта свободах слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. Точно в тех же выражениях, что и ст. 125 ныне действующей Конституции, ст. 50 проек-

та указывает, что гражданам СССР эти свободы *гарантируются*. Чем? "... Предоставлением трудящимся... общественных зданий, улиц и площадей, широким распространением информации, возможностью использования (!) печати, телевидения и радио". А чем гарантируется эта "возможность использования"? И это сказано в ст. 50, в самом начале оговаривающей, что все перечисленные свободы предоставляются гражданам СССР *не безусловно*, а "в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя..."

Возникает естественный вопрос: кто будет определять, что соответствует и что не соответствует интересам трудящихся и социалистическому строю? И ответ ясен: как и в предыдущие 40 лет, определять будут цензура и КГБ. Так, прокламируя в ст. 50 демократические свободы и права, их тут же, в той же статье отнимают.

Вот как просто и всем доступно определил в свое время свободу слова и печати В.И. Ленин: "Все мнения всех граждан свободно можно оглашать". Вот и все, больше ничего не надо. Никакая цензура не допускается. А в советских условиях, подчеркивал Ленин, государство должно еще и обеспечить справедливое распределение бумаги и типографий:

"... на первом месте – государство,

на втором месте – крупные партии,

на третьем месте – более мелкие партии и затем любая группа граждан, достигшая определенного числа членов или собравшая столько-то подписей". (В.И. Ленин. Соч., 4-е изд., т. 25, стр. 349, 351, 352.)

Прошло 60 лет, а правители нашего государства все еще не могут, не хотят, бояться осуществить эту ясную программу Ленина. Правда, они могут сослаться на то, что Ленин сам ее не реализовал. Но ведь он стоял во главе государства всего 5-6 лет, наполненных раздирающей гражданской войной, голодом, разрухой. А сейчас, когда наше руководство утверждает, что создано общенародное государство развитого социализма – что сейчас мешает тому, чтобы "все мнения всех граждан свободно оглашать"?

Видимо, только страх перед реальной свободой слова и печати. Ибо гласности внутри страны боятся больше, чем любой зарубежной пропаганды.

В странном несоответствии с прокламированием демократических свобод находятся такие статьи, как, например, статья 58, которая гласит, что "граждане СССР имеют право обращаться с жалобами на действия должностных лиц в государственные органы и общественные организации..." Ну, право же, для этого не нужны ни социализм, ни демократия. Жаловаться, просить, бить челом могли и подданные Российской империи, и подданные любого тирана, и крепостные, и рабы. Свободные граждане демократического государства должны иметь право не просить, а *требовать*. И такое право не надо даже записывать в Конституцию там, где оно обеспечено наличием свободы слова и печати, свободы объединяться в независимые от государства организации, которые сами уж найдут демократические средства давления на должностных лиц. Вместо этих демократических свобод нашим гражданам подбрасываются суррогаты вроде

”права на жалобы”, права ”объединяться в общественные организации” (ст. 51) с той же оговоркой (”в соответствии с...”), смысл которой в том, чтобы не допустить создания общественных организаций, не контролируемых государством.

Статья 52 сформулирована едва ли не лицемернее всех других. В ней сказано: ”За гражданами СССР признается свобода совести, то есть право исповедовать любую религию, отправлять религиозные культы или не исповедовать никакой религии, вести атеистическую пропаганду”. Казалось бы, если утверждается свобода совести, т. е. право ”исповедовать любую религию... или не исповедовать никакой религии”, то этого, вроде бы, достаточно? Нет, в основной текст вкраплены ”добавки”, отнимающие то, что провозглашается в основном тексте. Так исповедание религии сведено к ”отправлению” религиозных культов, что, как известно, совершается в специально отведенных для этого помещениях (молитвенных домах). Неверующим же дается ничем не ограниченное право не только исповедовать атеизм, но и проповедовать его. Это не свобода совести. Свобода совести, как в первой советской Конституции 1918 года, дает и верующим, и неверующим равное право как исповедовать, так и проповедовать свои взгляды, т. е. равное право как атеистической, так и религиозной пропаганды. Статья 52 этого права не дает и, следовательно, свободы совести не гарантирует.

Завершается статья словами: ”Церковь в СССР отделена от государства”. Но если это правда, то для чего существует Комитет по культам, почему церковь не имеет прав юридического лица, почему в стране действует не ленинский декрет об отделении церкви от государства, а сталинские законы о культах, определяющие подчинение церкви государству?

Мы уже показали, как под прикрытием пышных слов проект Конституции практически лишает граждан возможности пользоваться свободой слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, возможности создавать свободные самодеятельные организации и осуществлять свободу совести. Ниже будет показано, чего реально стоят провозглашенные статьями 54, 55, 56 гарантии неприкосновенности личности и жилища, тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений.

Но сначала мы хотим сказать о тех демократических правах, о которых проект Конституции даже не вспоминает.

Молчанием обойдено, например, величайшее демократическое завоевание трудящихся — *право на забастовку*. Ни слова не сказано о таком важном праве, как *право выбирать и менять место жительства*, куда более важное, чем право на жилище, которое предоставляется и заключенным. Право свободного выбора места жительства непосредственно связано с требованием отмены паспортного режима и системы прописки, превращающих свободных граждан в крепостных. Кстати, отмена паспортной системы — одно из основных требований программы партии большевиков, с которой она шла на Октябрьскую революцию.

Свобода выбора места жительства внутри страны, как и свобода в любое время покидать страну и возвращаться в нее, а также право на забастовки провозглашены Всеобщей Декларацией прав человека и Пактами о правах. Эти документы ратифицированы Верховным Советом СССР и приобрели, следовательно, для Советского Союза силу закона. Проект Конституции даже не упоминает об этих, как и о десяти других ратифицированных СССР международных правовых документах (конвенциях), ибо фактически противопоставляется им.

В проекте Конституции по существу не гарантировано ни одного права *человека как личности*. Все гражданские права рассматриваются сквозь призму функции государства, а человек – только в качестве подданного государства. Отсюда и многочисленные, частью приведенные выше оговорки, зафиксированные для того, чтобы личность, упаси Боже, не почувствовала бы себя в чем-то независимой от государства. Все эти "не должно наносить ущерба интересам общества и государства" (ст. 39), "в соответствии с целями коммунистического строительства" (ст. ст. 47, 51), "в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя..." и др. – все это направлено к одному: чтобы кто-то, стоящий *над* личностью (государство, партия), решал за нее все моральные, политические, социальные проблемы, решал, что хорошо и что – плохо, что полезно и что – вредно. Мы уже знаем, что именно такой метод расправы с личностью наносит в конечном счете наибольший вред интересам общества: вспомним хотя бы генетику и кибернетику, признанные в свое время не соответствующими "целям коммунистического строительства" и поэтому запрещенные в СССР.

Но наиболее откровенна в этом направлении насилия над личностью ст. 62, гласящая: "Гражданин СССР обязан оберегать интересы советского государства, *способствовать укреплению его могущества и авторитета...*" (курсив наш).

Это неслыханное требование. Каждое государство требует от своих граждан *подчинения* государственному закону. Плохи они или хороши, справедливы или несправедливы, демократичны или антидемократичны – это другой вопрос. Можно им подчиняться или не подчиняться, идя на конфликт с государством, – это опять же другой вопрос, но никто не оспаривает права государства требовать выполнения законов.

Но какое право имеет законодатель вменять в конституционную обязанность граждан "*способствовать укреплению... авторитета государства*"? Не гражданин должен укреплять авторитет своего государства. Государство своими делами должно добиваться авторитета у своих граждан.

В том же направлении действуют и статья 59 ("*Осуществление прав и свобод неотделимо от исполнения гражданином своих обязанностей...*"), и статья 57 ("*Уважение личности, охрана прав и свобод советского человека – обязанность всех государственных, общественных организаций и должностных лиц*"). Первая из названных статей фиксирует, что права и свободы гражданин получает из рук властей в зависимости от их суждения о том, выполняет ли он те обязанности, которые предписаны ему не долгом, не совестью, а государственными органами. Статья 57 могла бы

быть полезной в сочетании с реально, без оговорок предоставленными демократическими свободами (слова, печати, собрания и т. п.). Но *без* них эта статья свидетельствует о том, что сами граждане не имеют права охранять свою личность и свои права: должностные лица охраняют ее в том размере и в тех случаях, когда найдут, что гражданин этого заслуживает (скажем, "откровенными показаниями").

Не о правах и свободах глава 7-я проекта. Чтобы она стала воистину правовой, необходимо исключить из нее даже упоминание об обязанностях. Только права нуждаются в защите Конституции. Для выполнения же гражданами своих обязанностей существует достаточно и экономических, и внеэкономических (в том числе правовых) средств. *Право* должно быть изложено ясно и безоговорочно. Например, написано "свобода печати" – и нечего к этому добавлять: каждый и так поймет, что это значит – "все мнения всех граждан свободно можно оглашать". Если же государство отказывает гражданам в каких-то правах, пусть Конституция честно это запишет. Пусть не будет даже никаких прав и свобод. Любая самая неограниченная диктатура лучше лицемерия, лучше свобод на бумаге и тоталитарного их подавления на деле.

Орудием такого тоталитарного подавления являются прежде всего органы государственной безопасности и судебная система.

В соответствии с задачей завуалировать неприглядные стороны нашей действительности о правах и свободах в проекте Конституции говорится много и цветисто, о госбезопасности же, наоборот, мало и невразумительно. Самые слова "государственная безопасность" упоминаются в проекте всего дважды – в ст. 16 и в ст. 72. В последнем случае в порядке перечисления того, что подлежит ведению органов государственной власти и управления, в п. 9-ом лаконично сказано:

"... 9) Обеспечение государственной безопасности".

Расшифровки нет. Несколько больше сказано в гл. 16-й ("Совет Министров СССР"), из которой по крайней мере выясняется, чем *не* занимается ведомство госбезопасности. Из ст. 130 явствует, что Совет Министров СССР согласно п. 3 "осуществляет меры по защите интересов государства, охране социалистической собственности и общественного порядка, по обеспечению и защите прав граждан"; согласно п. 5 "осуществляет общее руководство строительством Вооруженных Сил СССР ...", а сверх всего этого согласно п. 4 "принимает меры по обеспечению государственной безопасности".

Итак, интересы государства Совет Министров СССР защищает без помощи государственной безопасности. Без нее охраняется и социалистическая собственность, и общественный порядок, и права граждан, без нее, разумеется. Чью же безопасность обеспечивает это таинственное ведомство и каким образом?

Проект Конституции почему-то держит это в секрете. Придется, по-видимому, обратиться к историческому опыту.

Нынешний КГБ является правопреемником ВЧК, ГПУ, НКВД, МВД, МГБ. Ну, ВЧК – дело давнее, к тому же задача тогда была предельно ясна: борьба с контрреволюцией. Но уже ГПУ известно фальсификацией

процессов "шахтищев", "Промпартии", "Союзного бюро РСДРП", "СВУ" и т. п. Дальнейшие массовые кровавые беззакония этой организации (теперь уже не вспомнишь, когда и под какими буквами скрывавшейся), на счету которой – десятки миллионов загубленных жизней, широко известны. И никогда эта преступная организация не понесла никакого наказания – дело всегда кончалось простой сменой вывески. Объяснение этого однозначно: органы безопасности всегда действовали как органы правительства в его войне с собственным народом.

Однако органы безопасности, обладающие самым многочисленным и разветвленным аппаратом в стране, в ряде случаев становятся *над* государственным аппаратом. Как спрут, они пронизывают своими щупальцами все поры государственного организма. Нет такого учреждения, предприятия, организации (государственной, профсоюзной, общественной и даже партийной), в которой КГБ не имел бы своего уполномоченного, создающего сеть секретных агентов. Полуофициальные помощники ГБ – отделы кадров и спецотделы, неофициальные – руководители предприятий, организаций и учреждений. Да и многие рядовые советские люди, запуганные многолетними репрессиями, не осмеливаются отказаться выполнить распоряжение – чаще всего беззаконное – самого маленького сотрудника органов КГБ. В распоряжении этого ведомства – территориальные системы наблюдения и подслушивания, прекрасно оснащенные современной техникой, разработкой которой заняты мощные коллективы советских ученых.

В связи с этим стоит рассмотреть реальность статей (55 и 56), гарантирующих советскому гражданину неприкосновенность личности и жилища, охрану законом личной жизни, тайны переписки, телефонных разговоров и телеграфных сообщений. Для КГБ все это – пустой звук. Его аппарат повседневно перлюстрирует переписку и прочесывает телефонные переговоры. Обнаружив нечто "критическое" в письмах, кагэбисты ставят и адреса, и корреспондента на постоянную перлюстрацию, а подслушав "подозрительный" разговор по телефону, присоединяют к телефону автоматическую запись или подключают к нему постоянного "слухача". Телефонное подслушивание вошло в быт настолько, что его нередко даже и не скрывают: в любое время могут прервать твой разговор или отключить телефон (на время или навсегда). Ни почта, ни телефонный узел и не подумают протестовать против нарушений Конституции, "охраняющей" тайну переписки и телефонных переговоров. Работники ведомства связи отлично знают, что не Конституция определяет повседневную жизнь страны. На Московском телефонном узле есть, например, специальная служба подслушивания и помех.

Особо важные "объекты" подслушиваются не только по телефону – прослушивается вся квартира. Слушают постоянно, слушают все: бытовые разговоры, объяснения в любви, конфликты, даже поведение супругов в постели. Так закон охраняет личную жизнь.

Не лучше охраняется неприкосновенность жилища. Если КГБ захочет осмотреть квартиру любого советского гражданина, оно дает указания органам милиции или любому другому учреждению отвлечь каким-

либо образом хозяев из квартиры. И указание это неукоснительно выполняется.

То же и с неприкосновенностью личности. Чтобы нарушить ее, "органам" достаточно дать милиции указание посадить такого-то на 15 суток. И посадят – как бы идеально он себя ни вел. В более сложных случаях применяется более ухищренный и более страшный способ: районный психиатр, психодиспансер или психбольница получают от того же ГБ задание изолировать такого-то. И ничего ему не поможет: изолируют обязательно.

И ни милиции, ни психиатру и в голову не придут соответствующие статьи Конституции о неприкосновенности личности.

В связи с этим следует сказать и о так называемом "надзоре". Его выдумали не в СССР – надзор полицией над отбывшими наказание практиковался и в царской России, где поднадзорного тоже обязывали через определенные промежутки времени отмечаться в полиции. Но сегодня милиции дано, кроме того, право (и даже, видимо, вменено в обязанность) в любое время дня и ночи (хоть ежедневно) вламываться в квартиру поднадзорного и шарить в постелях его близких. Поднадзорный формально не лишен конституционных прав, но, если он возмутится таким нарушением неприкосновенности его личности и жилища и не пустит милицию в квартиру, дело передается в суд за "неповиновение милиции" или за "нарушение надзора".

Нет другого способа прекратить это массовое издевательство над людьми и одновременно – массовое развращение органами государственной безопасности работников других государственных учреждений и предприятий, нет иной возможности сделать реальными, действенными статьи конституции о неприкосновенности личности, как *полностью, без остатка ликвидировать внутреннюю тайную полицию в стране*, ликвидировать Комитет государственной безопасности, который, как явствует из самого текста проекта, не выполняет ни одной положительной конструктивной функции, необходимой для защиты государства, общественного порядка и прав граждан. Наоборот, власть, которую получил КГБ над всеми государственными и общественными организациями страны (подбор кадров для научной работы, оценка деятельности писателей и художников, выдвижение на хозяйственную, общественную работу и т. п. – знаменитый "допуск" КГБ!), может привести в конечном счете только лишь к параличу всего общественного организма.

Коротко о судебной системе

Проектом предусмотрено оставить в силе существующую судебную систему. Это антидемократичная система: суд первой инстанции формируется по принципу реакционного царского суда XIX века – судья и два представителя сословий (у нас – два народных заседателя), которые формально пользуются правами судей. В.И. Ленин в свое время достаточно убедительно доказал, что фактическое равноправие между профессиональным судьей и временным участником разбирательства невозможно. Историческим опытом доказано, что единственная демократическая форма суда – это суд присяжных заседателей, при котором процедура судебного разби-

рательства ведет судья, а решение выносят не зависимые от судьи присяжные.

Но отсутствие суда присяжных – не единственный порок нашей судебной системы.

Начнем с того, что советский гражданин не всегда может прибегнуть к защите суда. Так, трудовые споры с руководителями учреждений и предприятий для некоторых категорий трудящихся (научные работники, студенты и др.) подведомственны не судам, а вышестоящим ведомствам, руководствующимся собственными инструкциями, нередко находящимися в противоречии с законом.

Что касается независимости судов, то это – фикция. Недаром ст. 112 нынешней Конституции народ перефразировал так: "Суды независимы и подчиняются только... райкому". И действительно, за решение не угодное начальству судью могут и из партии исключить, и с работы снять. Поэтому, как правило, судья (особенно – в политическом процессе) предпочтет заранее получить твердые указания и выполнит их, как бы факты ни противоречили директивам. Да и не могут быть независимы в судебном процессе ни судья, ни народные заседатели, ни прокурор, ни адвокат, если к процессу их "допускает" КГБ.

Не обеспечено советским судом и право на защиту. Осуществлению его препятствуют и невозможность выбрать адвоката ("допуск"), и участие адвоката в следствии, и незаконный отвод (по указанию того же КГБ) свидетелей защиты, и многое другое. Следствие часто затягивается на многие месяцы, и подследственный длительное время остается без юридической помощи, а обжалование этого не предусмотрено. Во время следствия арестованный лишен свиданий, его ограничивают даже в передачах, хотя юридически он преступником не является. Все это создает благоприятные условия и для фальсификации дел, и просто для тяжелых судебных ошибок.

Общеизвестно отсутствие гласности при разбирательстве политических процессов. Хотя в приговорах пишется: "дело рассмотрено в открытом судебном заседании", фактически заседание закрытое: зал задолго до начала заполняется агентами КГБ, которым это времяпрепровождение засчитывается в рабочее время, а родным и друзьям, да и просто гражданам, желающим посетить суд, "не остается места".

Наконец, нельзя не указать, что проектом не предусмотрен Конституционный суд, а обычные суды не решают вопросов толкования Конституции.

Положение с судами явно нетерпимое. Мы платим дорогую цену за укоренившееся бесправие народа. Главы 20 ("Суд и арбитраж") и 21 ("Прокуратура") должны быть написаны заново. Суд должен быть реформирован по принципу суда присяжных, и Конституция должна предусмотреть действенные гарантии независимости судей, присяжных и адвокатуры – и прежде всего от КГБ – государственных органов и партийных организаций. Такая мера пресечения, как арест, должна применяться только по решению суда. Обвиняемому должно быть предоставлено неограниченное право выбора защитника, юридическая помощь которого должна пре-

доставляться с первого дня следствия. Судье следует нести ответственность за действительную, не мнимую открытость заседания.

Если все это не будет осуществлено, тогда надо записать в Конституции, что право суда в СССР предоставлено органам КГБ и партийным комитетам, начиная с райкомов. Это будет правда.

4. Как обеспечить выработку демократической Конституции?

Мы предлагаем принять постановление, регулирующее обсуждение и регламентирующее процесс выработки, принятия и утверждения Конституции.

Мы предлагаем следующее:

1) Выступления в поддержку проекта и против него или против отдельных его статей и пунктов – *равноправны в публикации*. В течение всего периода обсуждения каждая газета должна отводить этому обсуждению определенное место, половина которого отводится откликам положительным, другая половина – отрицательным и критическим. По радио и телевидению одобрению и критике должно отводиться также равное время. Не следует представлять дело так, что критических отзывов мало. Стоит начать их публиковать и узнать, что за критику не преследуют, – и их появится множество.

2) Если поступят другие проекты Конституции – созданные ли на базе нынешнего проекта или совсем новые, – их следует опубликовать и обсудить.

3) Не связывать принятие Конституции с 60-летним юбилеем Октября, а продолжить обсуждение до конца нынешнего года. Лучшим подарком к 60-летию Октября будет участие всего народа в выработке подлинно демократической Конституции.

4) Чтобы обеспечить безбоязненную критику, войти в Президиум Верховного Совета с предложениями: а) объявить всеобщую политическую амнистию и б) издать указ, запрещающий какие бы то ни было утеснения за критические выступления по проекту Конституции или против проекта в целом. Установить уголовную ответственность за нарушение этого запрещения.

5) После завершения обсуждения объявить выборы в Конституционную ассамблею, которая, обсудив и проголосовав все предложенные проекты, должна будет окончательно выработать Конституцию, поставить ее на всенародный референдум, организовать и провести выборы согласно новой Конституции.

Только таким путем можно обеспечить подлинно демократическую Конституцию для нашей страны.

29 июля 1977 г., Москва

Вячеслав Бахмин, Татьяна Великанова, Зинаида Григоренко, Петр Григоренко, Орион Квачевский, Александр Лавут, Раиса Лерт, Валентин Турчин, Глеб Якунин, Лариса Полуэктова, Ирина Капун, Ростислав Галецкий.

Некоторые замечания по поводу проекта Конституции СССР – 1977 г.

С. Каллистратова

По общим вопросам

1. Конституция – основной закон государства. Она должна не только определять экономическую и политическую систему (государственный строй), но и дать правовые основы, четко сформулированные положения закона, исполнение которых может быть подвергнуто объективной проверке.

Между тем, большинство статей Конституции записано в виде деклараций, а не конкретных правовых норм.

В качестве примера можно привести ст. 5 о референдумах.

Какие "наиболее важные" вопросы государственной жизни, в каких случаях, в каком порядке должны ставиться на всенародное обсуждение (референдум)? Как проверить, соблюдается или нарушается ст. 5 Конституции?

Этот вопрос приобретает особое значение в силу того, что за все время существования советского государства, т. е. за 60 лет, не было проведено ни одного референдума. Всенародное одобрение государство получает на специальных организуемых митингах, где произносятся парадные (заранее отработанные) речи и раздается торжественное "ура"!

Несмотря на то что упоминание о референдуме содержалось и в прежней Конституции, – вопрос о вторжении советских войск в Чехословакию в 1968 году был решен не только без всенародного обсуждения или голосования, но и без инициативы народа о подготовке и осуществлении этой акции.

Таких примеров декларативности, неконкретности статей Конституции можно привести десятки. Именно отсутствие характерных черт закона, правовых основ – превращает этот важнейший для жизни народа документ в трескучую и хвастливую декларацию.

С этой точки зрения, особых возражений заслуживает преамбула Конституции, которая никакого отношения к основному закону как правовому документу не имеет.

2. Основным пороком проекта является вопиющее и ничем не прикрытое противоречие между ст. 1 и 2 и ст. 6.

Ст. 1 и 2 декларируют СССР как общенародное государство, в котором народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР.

В то же время ст. 6 – ядром политической системы объявляет КПСС. Более того, вторая часть ст. 6 прямо устанавливает,

что в с е важнейшие государственные вопросы решают не Советы, а КПСС (практически – высшее руководство КПСС).

По существу нового здесь ничего нет. Новое и имеющее значение состоит лишь в том, что открыто закрепляется и усиливается существующее положение, при котором именно руководящий орган КПСС решает все политические, экономические и международные вопросы (т. е. вопросы, подлежащие компетенции государства). Даже важнейшие международные соглашения подписываются не г л а в о й г о с у д а р с т в а и н е п р а в и т е л ь с т в о м страны, а партийным руководителем.

Обсуждая этот вопрос, мы не можем игнорировать то обстоятельство, что на протяжении десятилетий не было н и о д н о г о случая, чтобы Верховный Совет СССР не одобрил и не придал силу закона какому-либо решению Политбюро или Пленума ЦК КПСС.

Такое "монолитное единство" не может быть названо демократией ни в каком смысле. Недавний, свежий пример. Не только всему народу, и членам партии даже не объяснили, по каким причинам и поводам был выведен из состава Политбюро ЦК КПСС Председатель Президиума Верховного Совета СССР – Подгорный Н.В. Можно было бы сказать, что это чисто партийное дело и на этом успокоиться – по крайней мере нам, беспартийным. Но мы все очень хорошо знаем, что исключение из состава Политбюро ЦК КПСС – это окончательное и бесповоротное снятие с выборного поста главы государства.

Никакая степень свободы и демократии немыслима без борьбы идей. Монопольное положение единственной в стране партии и подчинение идеологии этой партии всех сторон государственной, политической, экономической и общественной жизни – может быть признано полезным или вредным для общества, но не может, не должно именоваться д е м о к р а т и е й.

Мы уже устали удивляться тому, что главы государств подписывают международные договора и соглашения не с г л а в о й СССР, а с п а р т и й н ы м руководителем. Теперь удивляться уже не надо. Конституция закрепляет з а к о н о д а т е л ь н о то положение, что основой политического строя нашей страны являются не Советы депутатов трудящихся, а КПСС.

По главе 2

Не затрагивая большого и самостоятельного вопроса о степени эффективности социалистической экономики, позволю себе сделать по главе 2-й следующие замечания:

1. Ст. 13 проекта декларирует с в о б о д н ы й труд советских людей, как источник роста общественного благосостояния народа.

Такая декларация не вызывает возражений сама по себе, но должна обязательно сопровождаться категорическим указанием на недопустимость всех форм п р и н у д и т е л ь н о г о труда в том его понимании, которое содержится в Конвенции Генеральной Конференции Международной Организации Труда № 29, ратифицированной СССР, вступившей в силу для СССР 23/VI - 1957 г. и неуклонно и повседневно нарушаемой в

нашей стране (достаточно напомнить, что в СССР установлена уголовная ответственность за то, что трудоспособный гражданин не работает).

2. Ст. 16 проекта декларирует участие коллективов трудящихся и общественных организаций в управлении предприятиями и объединениями. Однако не установлено форм и способов этого участия.

Не установлено процедуры разрешения могущих иметь место конфликтов в сфере управления производством, в решении вопросов организации труда и быта и т. д. (арбитраж, право на забастовку или иные способы разрешения конфликтов) между администрацией и трудящимися.

По главе 3

Учитывая печальный исторический опыт отставания и застоя в ряде отраслей науки в результате директивно-административно-репрессивно построенного "руководства" наукой (кибернетика, генетика, социология и т. д.) – необходимо установить в ст. 26 полную свободу научного поиска и исследования, без которой нет и не может быть подлинного прогресса в науке.

По главе 5

Хотя, очевидно, нельзя отказаться от всеобщей воинской обязанности, но безусловная принудительность этой обязанности противоречит нравственным устоям человеческого общества и не способствует укреплению обороноспособности страны. Необходимо предусмотреть хотя бы минимальные возможности освобождения от военной службы по идейным и религиозным мотивам или по меньшей мере устранить уголовную ответственность за отказ от военной службы по таким мотивам.

По главе 6

1. В ст. 33 Конституции обязательно должна быть сформулирована норма, согласно которой гражданство является добровольным и любой отказ отдельного гражданина от советского гражданства должен удовлетворяться независимо от мотивов такого отказа.

Без неограниченного права отказа от гражданства нет и не может быть юдлинной свободы и демократии для личности, для человека.

2. В тех же целях предоставления человеку (личности) подлинных демократических прав в ст. 38-й проекта наряду с предоставлением права политического убежища иностранцам необходимо предусмотреть предоставление права выезда из страны гражданина, обратившегося с просьбой о политическом убежище к какому-либо иностранному государству и получившего такое право.

По главе 7

Обширный перечень основных прав и свобод граждан, содержащийся в главе 7-й проекта, внешне создает впечатление подлинной и действительной демократии. Однако даже беглый анализ развеивает это впечатление.

Демократия не расширяется, а ущемляется даже по сравнению с ранее действующей Конституцией.

Наиболее важной в этом плане является вторая часть ст. 39 проекта, устанавливающая, что использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерба интересам общества и государства.

Разумеется, не должно наносить ущерба. Но кто, как, в результате какой процедуры определяет – что в ущерб, а что во благо? Есть вечные и неизблемые истины, определяющие добро и зло точки зрения общечеловеческой морали. Проповедь насилия, ненависти, убийства (в т. ч. и войны) – безусловно наносит ущерб обществу.

А вот по вопросу о том, наносят ли ущерб советскому государству и обществу высказывание и отстаивание мнения (убеждения) о необходимости многопартийной системы, о необходимости ликвидации сплошной коллективизации, о необходимости разрешить в какой-либо форме преподавание детям религиозных учений, о необходимости ликвидировать или решительно преобразовать Комитет госбезопасности СССР и т. д. и т. п., – могут быть и есть различные точки зрения.

Именно поэтому старую редакцию ст. 125 действующей Конституции можно и нужно было понимать так: интересы трудящихся будут соблюдены, социалистический строй будет укрепляться, если всем гражданам будут предоставлены основные демократические свободы. Именно осуществление основных демократических свобод соответствует интересам трудящихся. Борьба идей и свободное отстаивание своих убеждений не могут причинить ущерба народу и государственному строю. Именно в борьбе идей и выковывается наиболее справедливое и целесообразно устроенное общество.

Но в свете нашего печального исторического опыта мы ясно видим, что не только отстаивание своего убеждения, но и простое его высказывание, если это убеждение не соответствует идеологическим "установкам" КПСС, – презюмируется как "причиняющее ущерб" и сурово карается в уголовном порядке.

Если за свободное слово, даже за свободную мысль законом гарантируется тюрьма и ссылка, если меру соответствия слова и мысли интересам общества и государства определяет не свободное общественное мнение, а карательные органы государства, то все "свободы" и "права", декларируемые в Конституции, превращаются в фикцию.

Свобода слова, свобода информации, подлинная, а не фиктивная свобода печати, собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций – это полная отмена предварительной цензуры, разрешение и обеспечение возможности существования частных типографий, издательств, печатных органов, это легализация самиздата, это полная отмена необходимости получения разрешений на собрания, митинги, демонстрации, это строжайший запрет применения каких-либо насильственных действий для прекращения (разгона) митингов и мирных демонстраций.

Не менее важным является и вопрос о праве граждан объединяться в общественные организации.

Редакция ст. 51 проекта явно такого права не обеспечивает.

В основном законе должно быть определено, что лю б а я г р у п п а г р а ж д а н имеет право создавать свободные общества, союзы и ассоциации, если она не имеет преступных или аморальных целей. В формулировке этой статьи должно быть подчеркнuto, что на образование таких ассоциаций не требуется предварительного разрешения государственных органов.

По отдельным статьям главы 7-й считаю необходимым сделать следующие замечания:

1. В ст. 40 проекта необходимо включить основные положения Конвенции № III Генеральной Конференции Международной Организации Труда, ратифицированной СССР 31/1-1961 г. и повседневно нарушаемой в СССР (преимущества при приеме на работу на большое количество должностей для членов КПСС, система "допусков" к секретной работе, секретные характеристики и т. д. и т. п.).

2. Для более полного обеспечения охраны здоровья и улучшения качества медицинской помощи в ст. 42 необходимо наряду с бесплатной медицинской помощью предусмотреть право частной практики врачей всех специальностей и возможность организации частных лечебных учреждений, в т. ч. стационарных.

3. Ст. 43 проекта, декларируя право на обеспечение в старости и по случаю болезни, своим содержанием такого права всем гражданам не обеспечивает, т. к. вне социального страхования остаются кустари-ремесленники и некоторые другие группы граждан, работающие не по найму; лица, отбывшие наказания за преступления и искупившие тяжелым многолетним принудительным трудом свою вину, не имеют права на обеспечение пенсиями по социальному страхованию, если до совершения преступления у них не было соответствующего трудового стажа; значительные группы престарелых, прекративших работу в колхозах до введения пенсионного обеспечения и не имеющих права ни на колхозную пенсию, ни на пенсию по социальному страхованию, и некоторые другие.

4. Ст. 47 проекта не гарантирует пользование достижениями мировой культуры, т. к. закон не содержит указания на свободный от таможенного досмотра (а фактически – цензуры) ввоз книг и др. произведений культуры из иностранных государств. Кроме того, необходима отмена системы разрешений и запретов на выставки, публичные чтения и другие демонстрации произведений искусства и полная отмена цензуры в области музыки, изобразительного искусства, театра и т. д.

5. Ст. 52 проекта формально декларирует, а фактически не допускает свободы совести, т. к. не допускает религиозной пропаганды, указывая на допустимость антирелигиозной. Верить слову Божьему и не иметь права нести это слово людям – это значит идти против своей совести.

6. Ст. ст. 54-58 проекта по своему содержанию не вызывают возражений, но п р а к т и ч е с к о е нарушение этих статей (существующих и в действующей Конституции) на протяжении десятилетий и даже закрепление этих нарушений в ряде законов (например, право органов милиции задерживать граждан на срок до 3-х дней без предварительной санкции

прокурора; право органов милиции в отношении лиц, отбывших наказание по приговору суда и подвергаемых административному надзору и т. д. и т. п.) настоятельно требуют более конкретного и категорического изложения гарантий этого раздела прав.

7. Удивляет отсутствие в этой главе об основных правах граждан статьи о свободе передвижения и свободе выбора места жительства. Гарантией такого права была бы полная отмена паспортной системы и системы обязательной прописки по месту жительства.

Всякая действительно демократическая конституция должна предусматривать право свободного выезда из страны (эмиграции) и право свободного возвращения в свою страну.

Формулировки этой статьи должны соответствовать ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах, ратифицированного СССР в 1973 г. и в настоящее время вступившего в силу и имеющего для СССР силу закона.

По главе 13

Выбор депутатов в высшие и местные органы власти в нашей стране давно превратился в пустую формальность, т. к. избиратели фактически не имеют возможности **в ы б и р а т ь**. При наличии одного кандидата в депутаты **м е ж д у к е м и к е м** выбирать?

Это настолько общеизвестно, что не стоит тратить слов на изложение своего мнения об абсурдности такой "избирательной" системы. Необходимо предоставление любой свободной ассоциации и просто группе граждан (определенной численности) права выдвижения кандидатов в депутаты, с тем чтобы все выдвинутые кандидаты включались в избирательные бюллетени.

По главе 15

Ст. 114 и ст. 121 проекта не гарантируют полного и безусловного опубликования законов, указов и постановлений высших органов власти.

Как мы знаем из практики, в нашей стране действует значительное число законодательных и подзаконных актов либо вовсе не опубликованных, либо опубликованных в так называемой "закрытой" печати. Получается парадоксальное положение, когда **о б я з а т е л ь н ы е** для исполнения законы, указы и постановления **н е д о в о д я т с я** до сведения **г р а ж д а н**.

В Конституции должно быть четко записано, что ни один закон и подзаконный акт не может быть признан для кого-либо обязательным, если он не опубликован в общей открытой печати.

По главе 20

1. Вопрос о независимости судей — один из самых старых и самых сложных вопросов государственного права. На протяжении веков ни одной страной мира не найдено безупречного и всеобъемлющего способа обеспечения действительной независимости судей. Между тем, любая форма и степень зависимости судей по существу разрушает самую идею правосудия.

В проекте Конституции (ст. 154) независимость судей только провозглашается, и не делается даже какой-либо попытки гарантировать эту независимость. Полная зависимость всех звеньев нашей судебной системы от центральных и местных организаций КПСС очевидна уже по тому, что, как правило, все народные судьи являются членами КПСС (процент беспартийных судей незначителен) и все судьи (в том числе и беспартийные) подотчетны не только своим избирателям, но и соответствующим партийным органам, которые дают указания по общим вопросам судебной деятельности (в том числе по вопросам так называемой карательной политики), а зачастую и по отдельным конкретным делам.

Наибольшим приближением к независимости судей явилось бы такое положение, когда основой судебной системы стал бы суд народных представителей, организованный по типу суда присяжных, с обязательным раздельным решением вопросов заседателями и судьями-чиновниками и с правом обвиняемого на немотивированный отвод значительной части заседателей.

Система суда присяжных достаточно была разработана еще в XIX веке в России. Эта система существует в подавляющей части цивилизованного мира (в той или иной форме).

Действующая в настоящее время и предусмотренная на будущее система коллегиального суда с участием народных заседателей ничего общего с судом присяжных не имеет и независимость судей ни в какой степени не гарантирует. При формальной равноправности судьи-чиновника и народных заседателей фактически никакого равноправия здесь нет и не может быть в силу того, что при совместном совещании судей и заседателей судья имеет преимущество должности и должностного авторитета.

Введение суда народных представителей по типу суда присяжных значительно способствовало бы демократизации суда и приближению к действительному правосудию.

2. В ст. 156 проекта провозглашается гласность суда. Однако вторая часть этой статьи дает возможность в любой момент отменить эту гласность, не нарушая Конституции.

Учитывая, что гласность судопроизводства является важнейшей гарантией прав личности и демократических свобод, необходимо в тексте Конституции указать, что в закрытом судебном заседании дела могут рассматриваться лишь для охраны военной государственной тайны, а также в указанных в законе случаях по делам о половых преступлениях.

3. Ст. 157 проекта декларирует право обвиняемого на защиту, но не содержит решительно никаких гарантий этого права. Нарушением этого права является незаконная система секретных "допусков" для адвокатов. Кроме того, случаи дискриминации и даже репрессий в отношении адвокатов, осуществляющих защиту по политическим делам, и зависимость адвокатуры от органов Министерства юстиции и местных органов власти приводят к отсутствию полноценной защиты не только по политическим, но и по уголовным делам.

Гарантией действительного права на защиту было бы право свободно выбора защитника из числа всех дееспособных граждан и право приглашения защитников из числа иностранных граждан.

Вторым важнейшим вопросом в области права на защиту является вопрос о моменте, с которого возникает право на защиту.

В свете принципа презумпции невиновности (см. следующий пункт) право на защиту должно возникать с момента процессуального оформления п о д о з р е н и я. Человек, задержанный или вызванный для допроса или подвергающийся обыску (или становящийся объектом иных процессуальных действий, вызванных возникающими против него подозрениями), должен иметь право на защиту не только в общем, но и специальном значении этого слова, т. е. право пригласить защитника и иметь возможность проконсультироваться с ним с момента совершения в отношении него любого процессуального действия.

4. Ст. 159 проекта недостаточно четко отражает принцип презумпции невиновности. Следует записать принятую во всех цивилизованных странах формулу: "Каждый человек предполагается невиновным до тех пор, пока приговором суда не будет установлена его виновность". Такая формулировка должна повлечь за собой далеко идущие изменения всего процессуального законодательства в части, относящейся к расследованию преступлений и ведению предварительного следствия.

В то же время необходимо установить конституционный запрет публичного обвинения кого-либо, в особенности в печати, в совершении тех или иных преступных действий до вступления в силу обвинительного приговора суда.

5. В проекте Конституции ни в главе 20 – "Суд", ни в главе 21 – "Прокуратура" не определяется взаимодействие между судом, прокуратурой и органами следствия в вопросах расследования уголовных дел и обвинения в суде.

Между тем, это чрезвычайно важный и основополагающий вопрос правосудия.

По действующим нормам уголовного процесса, прокурор, передающий дело для судебного рассмотрения и поддерживающий обвинение в суде, одновременно является непосредственным начальником и руководителем следователя, расследующего преступление. Следователь во всех областях своей работы подчиняется прокурору – будущему обвинителю в суде. При таком положении равенство сторон (обвинения и защиты) в процессе становится фикцией, а само расследование дел неизбежно приобретает черты необъективности, т. е. так называемый обвинительный уклон. Необходимо в конституционном порядке гарантировать полную независимость работников следственного аппарата от прокуратуры, оставив в этой области за прокуратурой лишь общие функции надзора за соблюдением законности.

По разделу IX проекта

Ст. 172 проекта не наполнена конкретным содержанием. Должна быть установлена процедура рассмотрения и разрешения вопросов о соответ-

ствии закона Конституции и образован орган, разрешающий этот вопрос при возникновении сомнения в конституционности того или иного законодательного или подзаконного акта.

* * *

Представленный на всенародное обсуждение проект Конституции СССР страдает столь значительными органическими недостатками (на полноту изложения которых я отнюдь не претендую) и является столь далеким от юдлинной демократизации жизни нашего общества, что он не может быть исправлен отдельными изменениями и исправлениями. Никакой срочности во введении нового текста Конституции усмотреть невозможно. Решительный поворот к точному соблюдению норм действующей Конституции был бы хорошей подготовкой к разработке новой, более демократической Конституции.

13/VI-1977 г.

ИЗ ПРОШЛОГО

Отрывок из стенограммы заседания актива Казанского
института инженеров коммунального строительства
21 октября 1937 г.

Хакимов: Слово имеет т. Федин.

Федин: Товарищи, на нашем совещании актива института наряду с другими вопросами возник весьма важный вопрос теоретически-научного характера. Конечно, этот вопрос лучше всего перенести на особое обсуждение. И, я думаю, такое обсуждение у нас в дальнейшем будет. Но поскольку вопрос поставлен сейчас здесь, то остановиться на нем необходимо. Я буду чрезвычайно краток.

Профессор Кушников на совместном совещании кафедр физики и социально-экономических наук сам признал, что в его преподавании не было партийности, не было материалистически-диалектического подхода. Мы не можем рассматривать преподавание профессора Кушникова, как просто преподавание профессора физики. Нет! В свое время ведь это был политический работник, состоявший в меньшевистской группе Плеханова; к нему должен быть особый подход. Если бы он был просто рядовой профессор — академик с головы до ног, то это было бы одно, а здесь перед нами политический работник в прошлом — значит, человек, знакомый с учением Маркса, с материализмом, с учением Ленина-Сталина, и к нему должны быть предъявлены особые требования при изложении курса физики. И если он сам заявляет, что не было партийности в подходе, то здесь что-то неладно. Тем более, товарищи, мы слышали сейчас, что профессор Кушников хорошо знает, что Эйнштейн по своим философским взглядам — махист. Следовательно, если профессор Кушников умалчивал перед студентами, что он излагает теорию, в которой наряду с положительными сторонами физико-математического характера содержатся и махистские выводы, то он делал это сознательно. Он о махистских взглядах Эйнштейна не сказал студентам. Значит, сознательно скрыл; скрыл, что они имеют дело с такой теорией, которая дает основание для враждебных марксизму-ленинизму теорий.

Профессор Кушников к своему сегодняшнему выступлению обстоятельно подготовился. Он просмотрел литературу, цитировал Максимова и других авторов. Относительно Максимова надо сказать, что это правильно, и никто из марксистов не отрицает большого значения за теорией Эйнштейна как теории, которая наносит удар по метафизическому, абсолютно неизменному пониманию пространства и времени Ньютона. В этом заслуга теории Эйнштейна. Но, сделав этот удар, Эйнштейн ударился сам в другую крайность, а именно, превратил понятие относительности в абсолютность. Это — крайность, которая, как указывает Ленин, приводит к идеализму, когда утверждается относительность всего. Ленин говорит, что диалектический материализм включает в себя относительность, но не сводится к ней. Эйнштейн же все сводит к релятивному, относительному. В этом существенное различие между диалектическим материализмом и мировоззрением Эйнштейна. Об этом как раз и говорил Максимов. Но, товарищи, дело в том, что Максимова нужно было взять целиком. Если же взять целиком, мы увидим, что он указывает на то, что философские взгляды Эйнштейна махистские и теоретические выводы из теории Эйнштейна получаются не материалистические. А по мнению профессора Кушникова, теория относительности Эйнштейна материалистическая. Профессор Кушников буквально повторяет то, что было сказано меньшевиком, идеалистом, троцкистом Гессеном.

Сегодня нам профессор Кушников говорил о том, что он просмотрел сборник статей за 1935 год, и в особенности он с удовольствием ссылался на статьи Гольцмана, который утверждает также, что теория относительности материалистическо-диалектическая. Но напрасно умолчал профессор Кушников, на кого опирается Гольцман, на чей авторитет он ссылается. А он ссылается на авторитет не кого иного, как обер-бандита Троцкого. Вот это оказывается для него авторитетом. Странное, товарищи, совпадение? С одной стороны — с троцкистом Гессеном, а с другой — с Гольцманом!

(Кушников с места: "Где это о Гольцмане говорится?")

— В сборнике за 1935 год. У меня есть эти книги, которые Вы использовали; может быть, к сожалению для Вас, но — есть.

(Кушников: "Не читал этого".)

Вы здесь доказывали, что абсолютного движения не существует.

вует, поскольку его нельзя измерить. Также нет и абсолютного пространства, и времени. Это не только эклектическая, но и явно идеалистическая трактовка вопроса. Вы ссылались на Ленина, где он говорит, что наши представления о пространстве и времени относительны. Но ведь Ленин говорит об относительности наших представлений, нашего способа измерения пространства и времени и указывает, что из этих относительных представлений складывается абсолютная истина. Следовательно, пространство и время сами по себе абсолютны, как абсолютно и движение, абсолютно существование материи. Ленин говорит, что движение абсолютно, а покой относителен. А Эйнштейн и Хвольсон заявляют, что как покой, так и движение относительны. Здесь именно все перепутано, и эту путаницу Вы изволите преподносить студентам. Вы цитировали Ленина — значит, Вы знакомы со взглядами Ленина по этому вопросу, но Вы сознательно их извращаете. И ссылка на Ленина у Вас неправильная: Ленин говорит об относительности наших представлений, что мы через относительное представление, через относительные законы движения материи познаем абсолютную истину, что Вы и делаете.

Вы говорите, что здесь вульгаризация с примером железной дороги — полотном и вагоном; но этот же пример приводит Эйнштейн. Он говорит, что для отсчета и для наших измерений безразлично, признать ли движущейся одну точку или другую. Верно, что для отсчета это безразлично, для математических вычислений это безразлично. А в действительном мире? Безразлично или нет? — Нет!

(Профессор Труфанов с места: "Безразлично!")

— Но тогда чепуха получается! Ваш пример, что путь начинается двигаться навстречу поезду.

(Труфанов с места: "А вы знаете, как испытываются аэропланы?")

— Нельзя же признать за нечто равное: согласитесь, что не все равно — ехать в поезде или "ехать", сидя на рельсах железной дороги!

Профессор Кушников ссылается далее на Тимирязева. Но напрасно он не взял Тимирязева полностью. Тимирязев как раз высмеивает тех, кто считает безразличным — движется ли поезд или полотно железной дороги. Тимирязев выступает Вашим про-

тивником и противником Гольцмана. Он высмеивает эту точку зрения. Он говорит, что такая точка зрения открывает двери для поповщины. Вы под определенным углом зрения цитируете. Вы требуете беспристрастия, а ведь Вы подходите пристрастно, по-партийному, но партийность у Вас не коммунистическая, а меньшевистская. Вы цитируете Ленина, а также пристрастно извращаете его с меньшевистско-идеалистических позиций. Это надо, товарищи, констатировать как факт.

Я, конечно, не физик, не механик, но общеполитические вопросы, которые вытекают из наших воззрений, мне понятны. Защищая махистскую точку зрения об ограниченности, конечности пространства, профессор Кушников опирается на авторитет физика Хвольсона. Что говорит Хвольсон? Он прямо заявляет, что нельзя даже понять это представление об ограниченности пространства. Это непостижимо нашему уму. "Если хотите, — говорит он, — уразуметь суть учения об ограниченности, конечности пространства, то пойдёмте за мной в область теней, в область несуществующего. Представим себе существо двух измерений, и тогда мы поймём суть учения Эйнштейна об ограниченности, конечности пространства".

Хвольсон как махист открыто признает, что идея конечности пространства уводит нас в воображаемый мир. Характерно для всех махистов, что они для обоснования идеалистических положений говорят: "Давайте примыслим вот то-то и то-то", — несуществующее.

Профессор Кушников говорит, что он не нашел необходимой для него литературы с критикой теории относительности, а между тем, недавно, примерно месяцев пять тому назад, вышла книжка Белянского "Пространство, время и движение". Здесь кратко дается критика теории относительности. Здесь указываются и положительные стороны ее, и делается вывод, что в целом общеполитические выводы, вытекающие из этой теории, махистские, идеалистические. В этой книжке говорится о том, что утверждения Эйнштейна о конечности вселенной открывают двери для фидеизма, для поповщины. Советую Вам ознакомиться с этой книжкой.

Профессор Кушников ссылался здесь на Фридмана. Не знаю, о каком Фридмане идет речь (Кушников с места: "О покойном профессоре"). Я знаком с книжкой Фридмана "Тео-

рия относительности и антирелигиозная пропаганда". Автор книжки прямо говорит, что теория относительности, взятая некритически, служит хорошим аргументом в руках поповщины, когда можно под видом науки превозносить идеалистическую чушь. Значит, надо критически излагать теорию относительности. Взять у него, что есть ценного, а философские выводы отбросить, как хлам, ибо они на 100% махистские. Рекомендую профессору Кушникову ознакомиться и с этой книжкой.

Если Вы говорите, что Федин и Сабин, приводя примеры, упрощали выводы теории относительности, то это неверно — не упрощали, а просто ставили точки над "и". Ставили этот вопрос на партийную позицию. Ведь студенты делают политические выводы из тех теоретических положений, которые им преподносятся. Здесь уже говорили о случае на кружке партпроса.

Не буду останавливаться на других вопросах. Какой вывод? Диалектический материализм требует конкретности подхода к любому вопросу. В данном случае мы имеем дело с определенной политической физиономией. Здесь правильно говорили, что профессор Кушников — это не разоружившийся меньшевик, который в области теории науки смыкается с троцкистами. Человек, который преподносит махистские выводы без всякой оговорки, заявляет, что он преподносил диалектический материализм, выступает как вредитель на идеологическом фронте. Я считаю, что в наших условиях, когда идет ожесточенная классовая борьба на всех фронтах, надо сделать решительные выводы по отношению к Кушникову. Я считаю недопустимым, чтобы в наших вузах открыто под видом науки пропагандировали мракобесие.

Махистская теория, как вы знаете, реакционная, идеалистическая философия империалистической буржуазии. Сейчас за границей все мракобесы проповедуют: мир конечен, мир идет к гибели; говорят о творце и т.д. Недопустимо, чтобы с кафедры советского вуза преподносилась теория, идеология реакционной буржуазии. Профессор Труфанов пытается создать панику, что он будет на днях читать лекции по теории относительности и ему-де тоже могут приписать идеализм и пр. Да разве кто говорит, что теория относительности — это сплошная эресь?! Мы даже работы Маха по физике не выбрасываем; в

частности, его "Механика" рекомендуется как хорошее пособие. Все те объективно ценные положения естествознания, которые имеются у буржуазных ученых, надо взять, но отбросить идеалистическую шелуху. Надо подходить по-партийному к любому буржуазному ученому.

Товарищ СТАЛИН говорит, что наша задача заключается в том, чтобы учиться и у друзей, и у врагов. Что это значит? Это значит, что надо взять все то ценное, что есть у врагов, чтобы при помощи этого же бороться против них самих. Иначе мы замкнемся от всего того наследия человеческой культуры, которое имеется. Но это нужно делать с позиций диалектического материализма.

Хакимов: Товарищи, поступило предложение сделать перерыв на 10 минут.

После перерыва

Хакимов: Слово имеет секретарь комсомольского комитета студент Горелик.

Горелик: ... Почему здесь присутствует мало студентов? Да потому, вероятно, мало их, что неинтересно; видимо, актив не интересен. А это получается потому, что наши профессора и преподаватели не увязаны со студенчеством.

... Вообще чувствуется сейчас, что студенты начинают критиковать, а научные работники — нет. Возьмите наш Совет института — что получается там? Боятся, чтобы как бы кого не обидеть.

Относительно этой самой научной дискуссии по вопросу преподавания профессором Кушниковым я не буду много останавливаться... Говорить, что напали на профессора Кушникова и ряд других лиц, это будет неправильно. И нечего профессору Труфанову и другим бояться. Никто не будет ничего говорить, если вы будете правильно излагать мысль и давать правильное мировоззрение.

Здесь обвиняли Федина, Сабина, что якобы они не знают теорию относительности. Разрешите мне как ученику профессора Кушникова, которому я один раз сдавал, сказать. Я ведь должен бы знать теорию относительности. А знаю я ее? Нет, не знаю. И другие никто не знают. Почему? Да потому, что, видимо, советскому студенту те мысли, которые были высказаны профессором Кушниковым, не подходят, потому что трудно

понимать. Так ставится вопрос. Когда задумались над вопросом относительно того, что мир конечен и т.д., я спрашиваю, почему это так? То Кушников отвечает: "Если вы хотите понять, то ничего не выйдет: этого понять нельзя. Но мир конечен". А почему это так, я и сейчас не знаю, и никто из наших отличников не понимает, почему это так устроено.

Тут предъявляли целый ряд обвинений Федину и Сабину, но ведь я тоже слушал лекции. Но почему там никогда не говорилось отрицательно об Эйнштейне, что он идеалист? Почему не упоминалось об отрицательных сторонах? Ведь в вводной лекции Кушникова получилась сплошная идеализация Эйнштейна. В этом и заключается главная ошибка в преподавании Кушникова. Дальше мне кажется, что и учебная часть прохлопала много сигналов студенческих в этом отношении. Кушников говорит, что не говорили относительно "неудов" и т.д. Но ведь ни в какой группе нет, чтобы на 23 человека получили "неуд" 14 человек – 50%! Почему "неуды" были? Нельзя здесь винить только студентов, неверно это будет. Почему же они другие дисциплины знают?! Если и был либерализм на кафедре строительной механики, то ведь это тоже не менее сложный предмет, чем теория относительности Эйнштейна. Но почему же огромное количество "неудов" именно по физике? Я считаю, что если в вредительство выпускать специалистов, которые ничего не знают, а отметки имеют, что знают, то есть и другое вредительство – выгонять студентов. Я считаю, что оценки, получаемые студентами, говорят о том, что не только студенты виноваты, но и сам Кушников. Это значит, что он преподносил материал не так, как надо. Правда, здесь учебная часть говорила, что нельзя обвинять профессора Кушникова в том, что он заставляет студентов много работать. Это верно. Но нельзя и перебарщивать в этом отношении... А сейчас целый ряд упаднических настроений, как например, у Труфанова, что он боится преподавать.

(Профессор Труфанов с места: "Ничего не боюсь преподавать, а говорю, что семена, посеянные Фединым, могут создать неправильное толкование".)

Не беспокойтесь! Студенты великолепно оценивают то или иное выступление. Они выступают и говорят: "Это – верно, а это – неверно". Пусть Федин или кто другой говорят, что это так, но если мы понимаем, что это неверно, то мы не постесняемся и скажем об этом.

Факт остается, что у Кушникова были методологические извращения на методической конференции. (Труфанов: "Да ведь это мне их приписали!") Многим приписывали. Здесь ясно, товарищи, что делается извращение, установлено лицо; и говорить о том, хороша или плоха теория относительности, мы не будем. Вопрос: как преподавали нам ее? Скверно.

О преподавании иностранных языков. Здесь выступали и говорили, что кафедра иностранных языков проморгала врага народа, японского шпиона Перфирьева. Это верно. А что получается в дальнейшем? Сейчас у нас преподает английский язык Александрова (?) ... , и никто не занимается вопросом, как она преподает... Кафедра говорит, что они даже не знают, что приглашается такое-то лицо. А в результате получается, что на занятиях студентов первого курса преподаватель английского языка говорит: "Давайте напишем на доске – Пролетарии всех стран, соединяйтесь! – и прибавляет:-- Кстати сказать, это самый трудный лозунг для студентов". Как же это так? Неужели для советского студента самое трудное сказать этот лозунг? Говорят, что произношение английского языка самое легкое.

(С места: "Наоборот, самое трудное. Вы перепутали: грамматика самая легкая, а произношение самое трудное".)

Ну, не знаю, ребята так говорили. Во всяком случае для пролетарского студента будет легко произнести этот лозунг.

И второй случай: на одном из занятий стали на доске писать тоже лозунги. Она говорит: "Давайте напишем: Долой фашизм! Долой капитализм! Долой социализм!". Потом говорит: "Ах, извините, я ошиблась!" Я считаю, что надо будет проверить эти факты, насколько они правильны.

(С места: "Я была на трех занятиях, и ничего подобного там не было".)

– Ну, ясно, в другой раз она так не будет говорить.....

Переврзев: (Декан инженерно-строительного факультета.)

... Собрание актива института ... дает чрезвычайно богатый материал, т.к. здесь налицо такая форма, где и студенческий актив может выступать с рядом предложений и критикой профессорско-преподавательского состава, которая необходима для налаживания контакта между студенчеством и преподавательским составом... Нельзя упускать из виду, что в институте орудовали враги народа: Батанов, который привел кафедру орга-

низации строительных работ к развалу, который не использовал даже те средства, которые отпускались на оборудование кабинета. Недосеко — троцкист, который вел курс политической экономии. Троцкистка Ранина — директор рабфака. Шпион Перфильев и т.д. Все факты говорят о том, что такое положение, при котором у нас бесконтрольно орудовали враги народа, создалось благодаря отсутствию критики, отсутствию большевистской бдительности. Под этим углом зрения мы обязаны... ... подходить к любому работнику института, ибо вредительство на идеологическом фронте, конечно, отличается от тех форм вредительства, которые известны в промышленности. Предательство на идеологическом фронте разоблачить трудно, ибо здесь предатель не будет выступать открыто, а будет маскироваться, пользуясь отсутствием соответствующего опыта у своей аудитории.

В этом свете, товарищи, конечно является необходимым просмотреть те кадры, которые у нас имеются; необходимо критически подойти к каждому человеку. Здесь мы должны прямо сказать, что обнаруживаются явные ненормальности. Пока речь шла относительно профессора Кушникова и военрука Борисенко. Но, вероятно, и у ряда других преподавателей имеются крупные недостатки, ошибки, которые мы должны смело критиковать, чтобы их исправить, не боясь критики. Когда мы начинаем критиковать профессора Кушникова, то получается, что профессор Кушников, видите ли, считает, что это — критика на почве сведения личных счетов, что она снижает авторитет преподавателя, что нужно критиковать в узком кругу, без студентов и т.д. А я считаю, ... что если критика не обоснована, не имеет под собой никакой почвы, то я убежден, что весь студенческий коллектив сумеет правильно оценить это... А такой подход, как у профессора Кушникова, ведет к тому, чтобы оторвать студенческий коллектив от возможности непосредственного выражения своего отношения к тому или иному преподавателю...

Что касается непосредственно профессора Кушникова, то у меня лично создается определенный взгляд на него. К сожалению, я не слышал выступления Кушникова на методической конференции (в мае месяце), где он говорил, как мне передавали, о том, что люди, привыкшие к физическому труду, якобы

не способны так же воспринимать теоретические дисциплины, как люди, привыкшие к умственному труду. Очевидно, товарищи, что если этот вопрос в таком виде ставился, то это прямо надо понимать в том смысле, что по профессору Кушникову люди из среды рабочего класса не в состоянии тягаться с представителями интеллигенции или буржуазии, что в учебе якобы имеют преимущество люди умственного труда.

(Из президиума: "Вы могли посмотреть стенограмму: там сказано об этом, как было".)

Я стенограммы не читал. Прав коллектив, подходя к профессору Кушникову критически и требовательно, ибо в прошлом — это белый офицер колчаковской армии, человек, состоявший в меньшевистской организации, в группе "Единство" Плеханова и т.д. При этом, выступая на активе, он взял на себя смелость утверждать, что меньшевистская плехановская оборонческая группа была очень близка к позициям Ленина и большевистской партии. Позвольте сразу заявить, что это неверно. Вместо того чтобы перед активом развернутой критикой разоблачить эту меньшевистскую контрреволюционную группу, которая исторически является одним из истоков меньшевизма и трескизма, передового отряда контрреволюционной буржуазии в настоящее время, — профессор Кушников находит возможным сейчас, накануне 20-й годовщины Октябрьской революции, утверждать, что в 1917-18 годах, во время заключения Брестского мира, у него были лишь незначительные несогласия с Лениным. И он считает, что эта плехановская группа была близка к Ленину. Это явное политическое протаскивание меньшевизма. И это вместо того, чтобы крепко ударить по меньшевизму и осудить свое прошлое. Мы видим, что этого осуждения нет.

Как развиваются события дальше? Целый ряд студентов заявил и заявляет, что профессор Кушников, преподавая теорию относительности, которая непосредственно связана с рядом философских вопросов, совершенно ни словом не упоминал о диалектическом материализме. Он излагал эту теорию изолированно, отрывая от вопросов философии. Довольно наивно оправдание профессора Кушникова, что он всю философскую сторону теории Эйнштейна оставлял для кафедры социально-экономических наук. Мне кажется, что такой наивности профессора Куш-

никова нельзя оправдать. Мало этого, он на совместном заседании кафедр физики и социально-экономических наук пришел с недобросовестным протестом, когорый и здесь поддерживает, что его не предупредили, что на совещании кафедр будет рассматриваться вопрос об увязке преподавания физики с диалектическим материализмом. Между тем, ассистент профессора Кушникова Андрей Андреевич Горланов на этом заседании подтвердил, что он передавал об этом профессору Кушникову за несколько дней. Да и я сам написал ему в день совещания кафедр, что будет рассматриваться вопрос об увязке преподавания физики с диалектическим материализмом. Таким образом, ссылка на неподготовленность отпадает.

Затем, товарищи, на совещании двух кафедр и здесь профессор Кушников заявляет, что у Эйнштейна философия диалектико-материалистическая... Но это, товарищи, противоречит ряду указаний в литературе. Профессор Кушников на заседании кафедр заявил, что он непосредственно трудами Эйнштейна не пользовался, что в основном он пользовался учебником Хвольсона. Но ведь критика Хвольсона, как махиста по своим философским взглядам, в прошлом году давалась в центральных газетах. Ряд товарищей, вероятно, помнит это. Можно ли без критического анализа преподносить теорию относительности Эйнштейна? Я думаю, что это невозможно в наших условиях; невозможно не указать студентам на эволюцию личности и философские воззрения Эйнштейна. А между тем, профессор Кушников считал возможным об этом не говорить, предоставляя это кафедре социально-экономических наук когда-нибудь в дальнейшем указать об этом. Само представление об этом разделе физики у студентов осталось чрезвычайно темным, ибо им с самого начала говорили, что эту теорию нельзя представить иначе, как только путем длительных умозаключений, допущений и т.д. И поскольку вопросы социологические не отсеялись на лекции от вопросов механики, то студенчество сделало вывод, что эта философия применима ко всем областям жизни и практики. Поэтому ряд студентов пришел к заключению, что ничего абсолютного в природе не существует, т.е. им прививалось явно идеалистическое миропонимание.

Мне на занятиях товарищи студенты говорили, что на лекциях физики профессор Кушников им сказал, что в природе

ничего не существует абсолютного. Сейчас эти товарищи подтверждают, что именно такая постановка вопроса была. А сегодня профессор Кушников говорит, что вина за неправильные умозаключения лежит на тех, кто их допускает, т.е. виноваты студенты, которые якобы это неправильно поняли. Я категорически не согласен с такими выпадами. Вина лежит на профессоре Кушникове. Кстати сказать, Кушников говорит, что еще два года тому назад недоумевал, почему введена в программу преподавания курса физики теория относительности. Он якобы представлял докладную записку, что не ясно, с какой целью установкой взодится эта теория в программу физики. Между тем, в текущем году у всех заведующих кафедрами запрашивались их замечания и программы по кафедрам. И профессор Кушников не счел нужным указать, что он выражает сомнение в целесообразности применения теории относительности к курсу физики. Два года тому назад он счел нужным это сказать, а теперь – нет. Отсюда совершенно естественно, что у меня, как и у многих присутствующих, создалось впечатление, что профессор Кушников является неразоружившимся меньшевиком, который был им и остался им по сегодняшний день, но он вынужден маскироваться, ибо прямо выступать с прямым признанием, что он меньшевик, он не в состоянии. Он вынужден маскироваться, но, несмотря на это, он и на активе все же заявляет, что меньшевики-пехановцы были очень близки к большевикам в 1917-18 гг., и тем самым защищает меньшевизм...

Относительно работы учебной части... Дирекция всем профессорам предлагала занять руководящие посты в учебной части, но никто не согласился.

(С места: "Некоторые согласились, например, профессор Труфанов, но его не утвердили...")

... О самостоятельной работе студентов. Я пытался кое-что сделать в этом отношении. Обращался к профессору Труфанову выступить с докладом. Он ответил, что не в состоянии сделать доклад, и посоветовал обратиться к профессору Кушникову с таким предложением. Я, признаться, к нему не обращался, поскольку я, во-первых, не уверен, что он согласится сделать, и, во-вторых, я не знал, как этот доклад будет им преподнесен, ибо мне и сегодня кажется сомнительной постановка им вопроса, что "не надо облегчать студентам работу; надо, чтобы они по-

том и кровью получали знания”. Я, конечно, это утрирую, но по существу у меня такое впечатление получается, что профессор Кушников не желает облегчить самостоятельной работы студентов...

Недзельский: Я, товарищи, не хотел выступать, но боюсь, что не так поняли по вопросу, который я задавал профессору Кушникову. Так я хочу выяснить. Дело в том, что директор института как коммунист был обязан сообщить партийной организации в отношении сигналов. Поэтому профессор Кушников не должен обижаться, что он сказал его тайну партийной организации. Я тогда сказал, что будет неправильное воспитание масс и разрешить вопрос нельзя, если мы будем молчать. Если профессор Кушников находит то или иное неправильным, то он должен выставить на обсуждение всей массы. Я настаивал на открытии тайны всей массе. И я считал, что я должен открыть тайну.

Дело было так. После того как профессор Кушников обследовал кафедры стройматериалов, механики, математики, там получились различные толкования. Многие руководители кафедр обиделись, и потому он был вынужден подать заявление об уходе с заведования кафедрой. Вместе с тем, он считал своим долгом, что многие профессора в прошлом занимали вредительскую линию, выражавшуюся в том, что они не давали возможности попадать в институт представителям рабочего класса. В частности, взять профессора Архипова. В прошлом — это дело одно, а в настоящее время он другой тактики придерживается. Они так ведут себя: читать лекции буду, а требовать не буду; что усвоят, то и ладно; надо выпускать таких специалистов, чтобы диплом имели, ну а знаний — нет. Давал характеристику другим руководителям кафедр, в частности профессору Ельчанинову подобную же характеристику. И про профессора Пауткина говорил, что это человек, который вызубрил лекции и из года в год их читает, теоретически совсем не обосновывает. Спрашивается, к чему это ведет? Было бы очень наивным ожидать от профессора Кушникова, чтобы он сказал здесь то, что он говорил, ибо он окончательно провалился бы со своими утверждениями, так как товарищи выступили бы и раскрыли его.

Здесь, повторяю, было бы глупо ожидать искренности от выступления профессора Кушникова. Здесь надо по-другому подойти. Ведь классовый враг очень умен. Он всегда будет на-

ходить лазейки, чтобы огонь максимально от себя отстранить. Профессор Кушников, занимаясь вредительской работой в институте, клеветнически указывал на других. У Кушникова тактика классового врага. Центральный комитет партии на это указывал, что в настоящей борьбе, когда все партийные и непартийные большевики обязаны обратить все внимание на выкорчевывание последствий вредительства, — враг неизбежно будет пытаться чернить честных работников и в первую очередь того, кто будет пытаться бороться с ним. Здесь профессор Кушников пользуется этой тактикой; явно нападает на коммунистов, на людей, которые помогают вскрыть контрреволюционную сущность в его преподавании, протаскивании меньшевистских идей им, в прошлом злейшим меньшевиком. Профессор Кушников клеветает здесь, указывая то на того, то на другого, что они виноваты, и этим отвлекает все внимание аудитории от истины. Не удастся!

Я считаю, что все научные работники будут того мнения, что мы обязаны по-большевистски подойти. Тут нельзя подойти по-дружески, по-любезному. Если ты враг, то и будешь врагом. Ни огнем, ни мечом не заставите меня уважать классового врага. Такая уж натура у большевика, и такой она будет оставаться до конца своей жизни. Но я считаю, что и научные работники подойдут по-объективному к обстоятельствам, рассмотрят их по-объективному и скажут свое мнение относительно этого человека.

Что касается меня, то я считаю, что профессор Кушников, в прошлом белый офицер, служивший у Колчака, ярый меньшевик в прошлом, использовал институт и доклады, которые ему поручали, и преподавание предмета физики для того, чтобы протаскивать контрреволюционную, меньшевистскую, махистскую, идеалистическую идеологию. Человек он очень образованный, толковый, человек знающий, но все свои знания он направил не в пользу рабочего класса, а против рабочего класса.

Вы не думайте, что я настолько глуп и что профессор настолько не умен, чтобы открыто говорить, что рабочий класс не способен учиться. Невозможно, чтобы так сказал профессор Кушников. Он говорит: "Человеку, занятому физическим трудом, гораздо труднее даются науки, чем человеку умственного труда". Одно можно было бы подумать, что человек оговорил-

ся, но если взять это и то, что здесь за все время проделывал профессор Кушников, то дело станет ясным. Разве Вы, профессор Труфанов, можете отказаться, что профессор Кушников утверждал здесь, что разницы между меньшевистской группой и большевиками не было, что партия меньшевиков не есть продолжение контрреволюционной группы фашистских убийц, что она не является передовым отрядом контрреволюционного фашизма? Он излагал это, он хочет пыль пустить в глаза. Я призываю по-большевистски подойти к этому вопросу. Мы имеем, наша партийная организация и я в том числе, большую политическую слепоту. Надо всем коллективом разоблачить врага по-большевистски. Не надо обходить вокруг да около, чтобы не просмотреть врага, который вредит в области науки, в области идеологии. Вне политики сейчас не могут находиться люди, особенно с высшим образованием. Поэтому надо со всей прямотой подойти к этому вопросу. Это основной вопрос нашей жизни и борьбы!

Фомин (студент): Товарищи, на сегодняшнем заседании я остановлюсь на трех вопросах. Первый — это относительно профессора Кушникова.

В нынешнем году, когда нам начали читать лекции по философии, то у меня открылось новое представление о мире. Когда я слушал в прошлом году лекции (по физике), то у меня — да и не только у меня, но и у всех наших студентов второго курса — что абсолютного в мире ничего нет. Да и профессор Кушников сам сказал: "От абсолютного вы откажитесь, и не нужно мыслить так, что в мире есть что-либо абсолютное."

Когда я был тот раз на совещании, то я понял, что профессор Кушников не простой профессор, который не знает учения Ленина, Маркса, Сталина. Когда он читал нам принцип относительности Эйнштейна, то им не было сказано ни одного слова о том, что о работе Эйнштейна есть критика в части философских выводов его у Ленина и Сталина. Мы об этом от профессора Кушникова не слышали. Он только говорил, что есть физика Хвольсона, — там и читайте; это — самый лучший учебник. В конечном счете, когда мы спросили у т. Федина, то он говорит, что у Хвольсона нужно взять то, что у него имеется в части физики, а философские выводы нужно отбросить. А Кушников ничего нам об этом не говорил. Вообще, я бы сказал,

что все лекции, которые читались про теорию относительности, читались очень быстро, бегло. Если посмотреть у студентов записи этих лекций, то в них мало что поймешь.

(Кушников с места: "А я хотел бы, чтобы эти записи студентов просмотрели специалисты".)

Пауткин (профессор математики): ...

...Еще по одному вопросу. Вот здесь было сообщено, что на кафедре физики не все благополучно: профессор Кушников, читая теорию относительности Эйнштейна, впал в махизм. Меня интересует такой вопрос, который интересовал и Андрея Андреевича Труфанова: ну, впал в махизм. Но ведь он читал и в прошлом году, и в позапрошлом году? Что же учебная часть раньше не заметила? Я обращаюсь к членам дирекции!... Меня в ужас приводит это дело! Вот я читаю много лет, а потом как-нибудь в один прекрасный день на активе мне скажут: "Вот что, проф. Пауткин! Вы читали, но вы все время чепухой забивали головы студентам". Тогда я в первую очередь обращусь к дирекции — почему не давали сигналов? Получается, что учебная часть указывает только тогда, когда со стороны услышит. Ведь в чем задача нашей дирекции? Осуществление живого руководства всей учебной жизнью института, а эта задача у нас не выполняется.

Богданов (декан): ...

Петр Дмитриевич! Ваша ошибка заключается в том, что Вы не согласовали Вашу дисциплину с кафедрой философии. Поскольку теория относительности дисциплина философская, то и нужно было согласовать, и деканы не поставили этого вопроса, а поставить нужно было. Хотя и все дисциплины связаны, безусловно, с диалектикой, но теория относительности особенно. Нужно было увязать программы, а мы не занимались этим делом. ...

Павлов (доцент по теоретической механике):

Товарищи, на собрании нашего актива ни один из беспартийных научных работников не высказал открыто своего мнения по поводу учебно-педагогической работы Петра Дмитриевича Кушникова, не осветил политического лица его. Что должно обозначать это молчание?

Из всех выступлений товарищей, характеризующих работу профессора Кушникова, его политический облик, из его выступлений на методической конференции в прошлом году и пер-

вого выступления его на собрании актива, из его разговора сегодня, переданного т. Недзельским, нам надо сделать вполне определенный вывод, нам надо окончательно и бесповоротно поставить точку над "и". Надо здесь открыто признать, что учебно-педагогическая работа Петра Дмитриевича Кушника носила антибольшевистский характер. Эта работа была подрывного вредительского характера, работа хитро скрывающегося врага.

Выступавшие товарищи достаточно ясно обрисовали характер работы Петра Дмитриевича Кушника, дали ясный его политический облик. Переданный сегодня разговор П.Д. Кушника с Соболевым достаточно ярко подчеркивает один из способов работы т. Кушника. Стремление замаскировать свою вредительскую работу: отвлекать внимание на работу других научных работников из нашего института.

Петр Дмитриевич Кушников, в прошлом белый офицер, колчаковец, меньшевик, не отказывается от своего прошлого... (читает).

Товарищи, наша задача... .. в изучении Маркса-Энгельса, учения Ленина-Сталина, ибо только этим мы можем внести партийность в науку, пропитать наши лекции, наши занятия марксистско-ленинской методологией, ибо только наш собственный высокий общественно-политический уровень поможет нам повысить свою бдительность в деле раскрытия вредителей на идеологическом фронте.

Хакимов: Поступило предложение прекратить прения. Голосу за прекращение. 19 голосов против 10. Прения прекращаются.

(Из архива русского физика П.Д. Кушника. Полная публикация готовится в издательстве "Хроника".)

БИБЛИОГРАФИЯ

Новые книги издательства "Хроника"

"Хроника текущих событий", вып. 44, 16 марта 1977 г.

Гнедин Е. "Из истории отношений между СССР и фашистской Германией", документы и современные комментарии. (В рукописи заголовок: "Вклад в банк памяти".)

Сахаров А. "Тревога и надежда" – статья, написанная для сборника, публикуемого в Норвегии.

Поступления Самиздата

Арчадзе-Гамсахурдиа М. Письмо Генеральному Секретарю ЦК КПСС Брежневу, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Подгорному, Председателю Совета Министров Косыгину, председателю Комитета госбезопасности СССР Андропову, Генеральному Прокурору СССР Руденко – в связи с арестом ее мужа Звиада Гамсахурдиа, 1977 г.

Боголюбов Г.А., рабочий. Открытое письмо г-ну Гарри Бриджесу, 1977 г.
Гинзбург Л. Заявление для печати с просьбой спасти жизнь ее сына – Александра Гинзбурга, 29 июня 1977 г. (опубл. наст. вып.).

Глузман С., политзаключенный. Заявление в ЦК КПСС об антисемитизме в лагере, 14 февраля 1977 г.

Григоренко П.Г. Письмо директору ТАСС, май 1976 г. (опубл. наст. вып.).

Квецко Д., политзаключенный. Заявление в адрес Президиума Верховного Совета СССР, 20 марта 1977 г.

Котлярский М. Обращение к главам государств и правительств стран, подписавших Соглашение в Хельсинки, к Генеральному Секретарю ЦК КПСС Брежневу – с просьбой помочь ему добиться разрешения на выезд в Израиль, 1977 г.

Котович М.П. Заявление в адрес Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР с просьбой помочь ей и ее семье уехать к родителям в Канаду, 4 мая 1977 г.

Кукобака М., бывший политзаключенный. "Защита прав человека и разрядка – неделимы", начало 1977 г.

Ланда М. "Александр Гинзбург", 21 июня 1977 г.

Лерт Р. "Подступы к "Зияющим высотам". Опыт ненаучного анализа" – о книге А. Зиновьева "Зияющие высоты", 23 января 1977 г.

Матусевич О. Заявление в адрес организации "Эмнисти Интернейшнл"

- об аресте ее мужа Миколы Матусевича и его друга Мирослава Мариновича, членов Украинской группы "Хельсинки", 14 мая 1977 г.
- Мешко О. "Протест" в адрес Президиума Верховного Совета СССР против преследования Украинской группы "Хельсинки", 23 мая 1977 г.
- Некипелов В. "Заявление об отказе" от советского гражданства, 3 августа 1977 г.
- Нарица М. "После реабилитации (мемуары). Десятое переселение моей семьи", 20 января 1977 г.
- Огородников А. "Открытое письмо" в редакцию "Литературной газеты", 27 апреля 1977 г.
- Роде Г., бывший политэ/к. Заявление на имя Л.И. Брежнева с просьбой лишить его советского гражданства, 31 июля 1977 г.
- Регельсон Л. "Ответ клеветнику" – по поводу статьи Б. Рощина "Свобода религии и клеветники" в "Литературной газете", 20 апреля 1977 г.
- Синильников Д.Л. Обращение к главам государств и правительств стран, подписавших Заключительный Акт Совещания в Хельсинки, к Генеральному Секретарю ЦК КПСС Брежневу – с просьбой помочь добиться разрешения на выезд в Израиль, 25 марта 1977 г.
- Снегирев Г., украинский писатель. Открытое письмо правительству СССР об отказе от советского гражданства, 29 июня 1977 г.
- Сокирко В.В. Открытое письмо Председателю Конституционной комиссии, Генеральному Секретарю Брежневу и члену Комитета защиты прав человека А. Сахарову по поводу Проекта Конституции, 1977 г.
- Удам Э.В. Обращение к жителям стран Балтийского моря, Таллин, 26 мая 1977 г.
- Федоров Ю., политссыльный. Письмо старому лагерному приятелю о том, как его допрашивали по делу А. Гинзбурга, 11 июня 1977 г. (см. наст. вып.).
- Федорова О. Открытое письмо А. Чаковскому в связи со статьей Б. Рощина "Свобода религии и клеветники" в "Литературной газете", 26 апреля 1977 г.
- Финкельштейн Э., член Литовской группы "Хельсинки". "Заявление" о вызове его в КГБ, 30 апреля 1977 г.
- Хованский Н. Письмо главному редактору "Литературной газеты" Чаковскому по поводу статьи Б. Рощина "Свобода религии и клеветники", 17 апреля 1977 г.
- Цирлин А.В. Обращение к главам государств и правительств стран, подписавших Заключительный Акт Совещания в Хельсинки, к Генеральному Секретарю ЦК КПСС Брежневу – с просьбой помочь ему добиться разрешения на выезд в Израиль, 1977 г.
- Шафаревич И. Письмо по поводу статьи Б. Рощина в "Литературной газете" "Свобода религии и клеветники", апрель 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Якунин В. Письмо Генеральному Секретарю ЦК КПСС Брежневу с просьбой содействовать ему в поездке к матери в ФРГ, 28 апреля 1977 г.
- Якунин В. Обращение к главам государств – участников Хельсинкского

совещания, к представителям государств – участников встречи в Белграде с просьбой о помощи в воссоединении с его матерью, живущей в ФРГ, 9 июня 1977 г.

Коллективные произведения

- Андреевы. Три письма (в советские инстанции и в Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений) с просьбой содействовать в эмиграции из СССР, 1977 г.
- Богораз Л., Марченко А. "О нарушении неприкосновенности частной жизни. Письмо в газету", 25 мая 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Генкин Б., Генкина А. Заявление главам государств, подписавших Заключение Акт Хельсинкского совещания, с просьбой о помощи в выезде в Израиль, 1977 г.
- Григоренко З., Гримм Ю., Великанова Т., Лавут А., Сквирский В., Иванченко А. Обращение "К людям доброй воли" об аресте в Киеве членов Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений Мариновича и Матусевича, апрель 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Григоренко П., Орлов Ю. Обращение к Форуму миролюбивых сил в Москве, 14 января 1977 г.
- Гуревич Е., Гуревич М. Обращение к участникам Совещания в Белграде с просьбой помочь им в выезде в Израиль, 19 мая 1977 г.
- Дымко Т.Н. и члены его семьи. Обращение к делегатам встречи в Белграде с просьбой помочь им выехать к родственникам в ФРГ, 1977 г.
- Некипелов В., Ходорович Т. "Джимми Картер – Политика. Нравственность", 8 августа 1977 г.
- Некипелов В., Ходорович Т. "Опричина – 77 продолжается", июль 1977 г.
- Ходорович Т., Ланда М., преемники Русского общественного фонда помощи политзаключенным СССР. Выступление на пресс-конференции 22 июня 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Ходорович Т., Ланда М., Любарский К. Письмо президенту США Картеру с просьбой поддержать Русский общественный фонд помощи политзаключенным СССР, 23 июня 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Ходорович Т., Ланда М., Любарский К. "Помощь политзаключенным СССР" (30 стр.), 12-15 июня 1977 г. (см. наст. вып.).
- 12 человек (П. Григоренко, В. Турчин, Г. Якунин и др.). Письмо в Политбюро ЦК КПСС с обсуждением Проекта Конституции с тремя приложениями: "1. Некоторые замечания по поводу Проекта Конституции С.В. Каллистратовой...", 2. Письмо Л. Богораз и А. Марченко, 3. Письмо П.А. Подрабиника...", июнь 1977 г. (см. наст. вып.).
- Друзья и члены религиозно-философского семинара (9 человек). Обращение к д-ру Филиппу Поттеру, Генеральному секретарю Всемирного Совета Церквей, 18 апреля 1977 г.
- Матери-христианки, проживающие на территории СССР (4031 подпись). Открытое письмо Генеральному Секретарю ЦК КПСС Брежневу,

- А. Косыгину, Н. Подгорному и Р. Руденко о травле их детей, 20 мая 1977 г.
- Баптисты г. Сумы Украинской ССР (54 подписи). Заявление в адрес советских государственных деятелей, А. Сахарова, в адрес международных организаций и Совету родственников узников ЕХБ – о преследованиях баптиста Кравченко Н.С., 26 мая 1977 г.
- Группа христиан-пятидесятников. Заявление для прессы и радиовещания, май 1977 г.
- 21 подпись (Т. Ходорович, П. Григоренко и др.). "Вечная память..." – о событиях в Новочеркасске с призывом "объявить 2 июня днем памяти жертв произвола", июнь 1977 г.
- Якунин Г., Хайбулин В., Капитанчук В., Регельсон Л. "Заявление для прессы" о статье Б. Рошина "Свобода религии и клеветники" в "Литературной газете", 14 апреля 1977 г.
- Духовные дети, прихожане, друзья о. Д. Дудко (9 человек – В. Борисов и др.). Обращение к представителям Христианских Церквей в защиту о. Димитрия, апрель 1977 г.
- Прихожане Кладбищенской церкви в г. Чистополе Тат. АССР (11 человек). Письмо в "Литературную газету", апрель 1977 г.
- Пресс-конференция на квартире о. Димитрия Дудко 27 апреля 1977 г. по поводу статей в "Литературной газете" 13 и 20 апреля 1977 г. (участники – о. Димитрий Дудко, о. Глеб Якунин и др.) (опубл. наст. вып.).
- Три пресс-конференции (11 июня, 15 июня и 22 июня 1977 г.) московских диссидентов, параллельных Белградской конференции.
- 7 политзаключенных Мордовского лагеря № 19 (Солдатов С., Черновол В. и др.). Открытое письмо президенту США Дж. Картеру, март 1977 г.
- 9 политзаключенных Пермского лагеря № 36 (Ковалев С., Глузман С. и др.). Письмо (опубл. наст. вып.).

Анонимные произведения

- "Вопросы Файну на допросах по делу Щаранского", 1977 г.
- "Краткое сообщение" о преследованиях верующих – адвентистов с приложением двух протоколов обысков у адвентистов г. Нальчика, июль 1977 г.
- Политзаключенные зоны 35 Пермских лагерей. "Обращение", 1 августа 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Сообщение о суде над Мальвой Ландой, май 1977 г.
- "Сообщение" об аресте в Киеве М. Мариновича и М. Матусевича и об обысках в городах Украины, май 1977 г.
- "Список узников евангельских христиан-баптистов, арестованных и осужденных за Слово Божие, на 15 мая 1977 г."

Документы ассоциаций

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР

Заявление о судах, арестах и других преследованиях членов Групп содействия и о продолжении деятельности этих Групп, 29 июля 1977 г.

Литовская общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений

Документ № 3. О судьбе эстонца Марта Никлуса, 23 декабря 1976 г.

Документ № 4. Об отказах в воссоединении семей, 25 февраля 1977 г.

Документ № 5. Об аресте Генрикаса Яшкунаса, 28 февраля 1977 г.

Документ № 6. О преследовании поволжских немцев, переселившихся в Литву, 19 марта 1977 г. (опубл. наст. вып.).

Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях

Обращение в защиту Иосифа Терели, вновь помещенного в психиатрическую больницу, 1 июня 1977 г.

Информация о В. Тимохине, А. Целых, В. Боровском, братьях С. и И. Пуртовых, 8 июня 1977 г. (опубл. наст. вып.).

Христианский комитет защиты прав верующих в СССР

Письмо участникам Всемирной конференции "Религиозные деятели за прочный мир, разоружение, справедливые отношения между народами" в Москве, 22 мая 1977 г.

Прошение на имя Патриарха Пимена о прекращении провокационных действий со стороны работников ОВЦ и КГБ в отношении Комитета, 11 июня 1977 г.

Обращение к предстоятелям и епископам Христианских Церквей, 3 июля 1977 г.

Участники религиозно-философского семинара

Заявление для печати, 23 апреля 1977 г.

Марк Поповский-Пресс

Заявление об образовании, 2 июня 1977 г.

"Москвичи о "деле" Роберта Тота", 10 июля 1977 г.

Официальные документы

Кассационная жалоба М. Джемилева, 25 апреля 1976 г. (опубл. наст. вып.).

Кассационное определение по делу Н.П. Горетого, сентябрь 1961 г.

Приговор по делу Н.А. Горбала, апрель 1971 г.

Обвинительное заключение по делу по обвинению Мустафаевой Аджимелек и Мустафаевой Афифе, г. Симферополь, декабрь 1976 г.

Повременные издания

"Хроника текущих событий", вып. 45, 25 мая 1977 г.

Новые книги

Лев Регельсон. "Трагедия Русской Церкви , 1917-1945" – историческое исследование, ИМКА-пресс, 1977.

Борис Шрагин. "Противостояние духа" – размышления автора о современном российском инакомыслии и смежных проблемах. Overseas Publications Interchange LTD, London, 1977.

Лев Копелев. "Вера в слово" – выступления и письма автора с 1962 по 1976 годы. Ardis, Ann Arbor, 1977.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Александрова	79	Гамсахурдиа З.	33	Забар Г.	41
Алексеева Л.	6,10	Гамсахурдиа К.	33	Зиновьев А.	89
Амальрик А.	6	Гаруцкас, о.К.	15		
Ангелюк Ю.	40,42	Генкины А. и Б.	91	Иванов Н.	9
Андреевы	91	Гессен	73	Иванченко А.	7,91
Андропов Ю.	10,89	Гинзбург А.	7-9,23,	Икрамов	16
Аносов	45,47		24,29,31,89	Исмаилов С.	41
Архипов	84	Гинзбург Л.	8,89		
Арчвадзе-Гамсахурдиа		Глузман С.	14,38,	Калинец И.	14
	М. 89		89,92	Каллистратова С.	63,
		Гнедин Е.	89		91
Батанов	79	Годьло	41	Кандыба И.	7
Бахмин В.	12,62	Гольцман	73,75	Капитанчук В.	92
Белая	41	Горбаль Н.	93	Каплун И.	12,38,62
Белянский	75	Горелик	77	Карпинский В.	17
Белов Ю.	38	Горетой Н.	93	Картер Дж.	91,92
Бердник О.	7	Горланов А.	82	Квачевский Л.	6
Богданов	87	Григоренко З.	7,62,	Квачевский О.	62
Боголюбов Г.	89		91	Квецко Д.	89
Богораз Л.	22,91	Григоренко П.	7,23,	Киблицкий И.	32
Борисенко	80		32,38,62,89,91,92	Киц Н.Ф.	46
Борисов В.	92	Гримм Ю.	7, 91	Клименко	9
Боровик Г.	23	Гуревич Е.	91	Климов	16
Боровский В.	11,93	Гуревич М.	91	Ковалев С.	14,92
Брежнев Л.	16,49,			Колуцкий	45,47
	89-91	Дворянский В.	44,47	Кольман Э.	35,36
Бриджес Г.	89	Дербенева	41	Конквест Р.	22
Буковский В.	6,32,	Джемилев М.	43,93	Конов	46
	37,38	Драгош Н.	9	Копелев Л.	4,22
Бухарин Н.	16	Дубянский	23	Коробова Т.	42
		Дудко, о.Д.	31,33,	Косован Н.	41
Вейль Б.	4		34,36,92	Косыгин А.	89,92
Великанова Т.	7,62,91	Дудченко	41	Котлярский М.	89
Вендлова Т.	4,6,10,15	Дымко Т.	91	Котович М.	89
Винс П.	7	Дьгтюк Н.	42	Кравченко Н.	92
Войнович В.	4			Красивский З.	38
Высоцкий В.Б.	41	Евдокимов Б.	38	Красюкова А.	44
		Ельчанинов	84	Крестинский	16
Гаврилов Г.	9	Ень	11	Кукобака М.	89
Галецкий Р.	62			Кучеренко	46

Кушников П.	72,88	Пауткин	84,87	Снегирев Г.	4,90
Лавут А.	7,62,91	Пасюта В.	40,42	Сокирко В.	90
Ланда М.	28-30,89, 91,92	Переверзев	79	Соколов	46,47
Ларин Ю.	16	Перфирьев	79,80	Солдатов С.	92
Ларина А.	16	Пимен, патриарх	93	Солженицын А.	22,23, 29
Ленин В.	17,34,55, 60,72,73-75,81,86,88	Плеханов Г.	72,81	Сталин И.	15,35,72, 77, 86,88
Лернер А.	32	Плумпа П.	14	Стасова Е.	17
Лерт Р.	62,89	Плющ Л.	6	Строкатова Н.	7
Лукаускайте-Пошкене		Побережнюк А.	40,42	Стурау М.	23
О.	15	Подгорный Н.	64,89, 92		
Лукьяненко Л.	7	Подрабинек А.	12,38	Твердохлебов А.	37
Луинос А.	38	Подрабинек П.А.	91	Тереля И.	93
Любарский К.	4,30,91	Полуэктова Л.	62	Терлецкас А.	9,10
		Поповский М.	4,93	Тимирязев	74
Максимов	73	Поспелов П.	17	Тимохин В.	10,38,93
Маринович М.	7,90-92	Поттер Ф.	91	Тот Р.	93
Маркс К.	34,72,86,88	Пуртов И.	11,93	Троцкий Л.	73
Марченко А.	22-25,91	Пуртов С.	11,93	Труфанов	74,76-79, 83,86,87
Марченко В.	14	Пушкин А.	23	Турчин В.	4,19,62,91
Матусевич Н.	7,90-92	Пяткус В.	4,9,15		
Матусевич О.	89	Рабин О.	32	Удам Э.	90
Мах	76	Раина	80	Узлов В.	9
Медведев Р.	4	Рафальский В.	38		
Мельчук И.	4	Регельсон Л.	32,33, 90,92	Файн В.	92
Мешко О.	7,90	Рогов	10	Федин	72,76-78,86
Мурашов	8	Роде Г.	90	Федоров Ю.	8,90
Мустафаева А.	93	Рощин Б.	36,90,92	Федорова О.	90
Мустафаева Аф.	93	Руденко М.	11	Финкельштейн Э.	15, 90
Нагорный	9	Руденко Р.	89,92	Флоренский, о.П.	35,36
Нарица М.	90	Рыков	17	Фомин	86
Недзельский	84,88	Сабин	76-78	Фридман	75
Недосеко	80	Саушкин Е.	9		
Некипелов В.	90,91	Сахаров А.	22,23, 89,92	Хайбулин В.	92
Никлус М.	93	Светличный И.	14	Хакимов	72, 77,88
Ньютон И.	73	Сверстюк Е.	14	Ханженков С.	9
		Сейтванов Э.	44	Харчих Э.	42
Огородников А.	33, 34,90	Селимов А.	40	Хахаев С.	9
Окуджава Б.	4	Селимов Ш.	42	Хвольсон	74,75,82,86
Орлов Ю.	18,19,31,91	Сергеев Г.	46	Хованский Н.	90
Османов Д.	44	Серебров Ф.	12,32,38	Ходжаев	16
		Синильников Д.	90	Ходорович Т.	28,30, 32,91,92
Павлов	87	Сквирский В.	7,91	Хрущев Н.	17

Целых А.	11,93	Шафаревич И.	19,35,	Энгельс Ф.	88
Цирлин А.	90		90		
		Шахвердян Б.	14	Якир П.	8
Чаковский А.	90	Швейский В.	46	Якунин В.	90
Чалидзе В.	6			Якунин, о.Г.	31,33,
Черновол В.	92	Щаранский А.	31,32,92		36,62,91,92
		Эйнштейн А.	72-74,81,	Янкелевич Е.	4
Шабанов Э.	44		82,86,87	Яшкунас Г.	93

\$ 5.00